

КАРИНА
ДЕМИНА

ДОМ ПОСЛЕДНЕЙ
НАДЕЖДЫ

— Магия, меняющая мир —

Карина Демина
Дом последней надежды
Серия «Необыкновенная
магия. Шедевры Рунета»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43153877
Дом последней надежды: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-113402-0

Аннотация

Чужой мир. Чужое тело. Чужое имя и чужое прошлое, в котором совершено немало ошибок. Тайный враг, желающий смерти. Старый дом, ставший приютом для пяти женщин, чьи судьбы теперь находятся в руках Ольги. И ей, ныне Иоко из рода Танцующего Журавля, придется сделать многое.

Выжить. Исправить чужие и собственные ошибки. Пройти дорогой, которую определили боги. И, быть может, получить право на счастье.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	57
Глава 6	73
Глава 7	99
Глава 8	112
Глава 9	130
Глава 10	145
Глава 11	165
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Карина Демина

Дом последней надежды

© К. Демина, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Я знала, что когда-нибудь да умру. В конце концов, все люди смертны, но чтобы так рано? Неожиданно? Нелепо?

Зима.

Гололед.

Скользкие сапожки. Снежок в спину, падение, каменная цветочница, оставшаяся с советских времен и бережно хранящая Варварой Степановной аки память о тех самых временах и прекрасном прошлом в целом... удар.

Короткая резкая боль.

Темнота.

Ни тебе светящегося тоннеля, ни столпа света, ни врат райских со святым Петром в придачу. Одна сплошная темнота, которая продолжалась и продолжалась. И я постепенно свыкалась с этой темнотой. В ней я перебирала мгновения короткой и, если разобраться, совершенно бестолковой своей жизни.

Детство.

И мама с двумя тетушками, свято уверенными, что просто-таки обязаны совершить во имя меня какой-нибудь подвиг, желательно педагогический. Тихий отец, не отличавшийся ни здоровьем, ни характером. Он никогда не спорил со своими женщинами, наивно полагая, что уж они-то знают, как лучше. Отец служил инженером в каком-то закры-

том НИИ и, сколь себя помню, всегда был слишком занят, чтобы заниматься моим воспитанием. Впрочем, недостатка в воспитателях я не испытывала.

Ранний подъем.

Обливание.

Пробежка и зарядка.

Школа.

Музыкальная школа и спортивная секция, куда меня отвозили. Уроки. Занятия. Тренировки. Ни минуты свободного времени. Подруги... да не было у меня подруг.

Не сложилось.

И сначала я не видела в том беды, все одно я была слишком занята, чтобы тратить время на всякие глупости вроде пустых игр. Потом как-то так получилось, что дружба и вообще отношения с другими людьми оказались чем-то невыразимо сложным. Я пыталась, честно, уже в университете, в который меня определили путем внутрисемейного голосования, но...

Отношения заводились.

С трудом.

А потом рассыпались.

Я была слишком требовательна? Да, так мне сказала Ларочка, с которой я два года кряду делила комнату в общежитии.

А еще удручающе прямолинейна.

Свято уверена в собственной правоте, но, несмотря на то

что права я бывала частенько, это еще не давало мне права лезть в чужую жизнь. А я вот лезла, и собственная не складывалась.

С мужчинами у меня получалось еще хуже, чем с подругами. Первая любовь, которая, само собой, на всю жизнь и никак иначе... первое разочарование, когда выяснилось, что у моей любви совсем иные намерения. Слезы в подушку. Одиночество.

Пожалуй, именно потому, что к одиночеству я привыкла, мое нахождение в темноте не доставляло мне каких бы то ни было неудобств. Теперь я видела себя словно со стороны. И анализировала.

Двадцать два и работа в маленькой фирме. Я сама нашла ее, несмотря на матушкино неодобрение и прогнозы тетушек, уверенных, что фирма скоро разорится, а на меня повесят кучу чужих долгов и вообще подведут под монастырь. И стоило бы проявить толику благоразумия, приняв предложение матушкиного старого знакомого, который занял какую-то мелкую должность в городском департаменте и мог взять меня секретарем.

Секретарем я быть не хотела.

Как и возвращаться в родной городишко, который к этому времени окончательно погрузился в тягостную провинциальную дрему. Да и тетушки с мамой... устала я от их диктата.

Самостоятельности захотела.

Получилось, и в фирме удержаться, и весьма скоро выбиться из обыкновенных менеджеров в помощники руководителя, а потом и сменить этого самого руководителя.

Работу я любила.

Она платила мне взаимностью.

Вскоре я сменила фирму, приняв весьма выгодное предложение крупной международной компании. Честолюбие толкало вперед, и карьера строилась, несмотря ни на что.

Знаю, меня недолюбливали.

Некоторые и вовсе тихо ненавидели, искренне не понимая, что я делаю в исконно мужском мире финансов. За глаза меня называли стервой, а то и похлеще. В глаза улыбались и старались угодить. И злорадствовали, когда мой априори неудачный брак развалился.

Теперь я понимаю, что он был изначально обречен и даже странно, что я могла думать иначе.

Он – молоденький стажер, косая сажень в плечах, курчавый блонд и глаза невероятной синевы. Румянец стыдливый на щечках.

Вздохи.

И трепет, который я вызывала в его фигуре.

Пожалуй, именно теперь я осознаю, что Игоряшка напомнил мне отца, что внешностью, что манерой поведения. А разница в положении, в возрасте – это ведь ерунда?

Он подарил мне бумажную розу и, заикаясь от страха, пригласил на свидание. В цирк.

Он купил сладкую вату на палочке, а потом, взяв за руку, провел за кулисы, где, оказывается, работала какая-то его родственница. И мы вместе смотрели, как отдыхают утомленные тигры. Тогда еще Игоряша, подведя меня к черной пантере, сказал:

– Она на тебя похожа. Такая же грозная с виду, а на самом деле ей очень нужна ласка.

Наверное, мне и вправду нужна была, если я упала в эту припозднившуюся любовь, как в омут. Тайные свидания.

Предложение, которое Игоряша сделал на крыше, где мы любовались закатом.

Свадьба.

Мама постаревшая вытирает слезы платочком:

– Надеюсь, Оленька, ты знаешь, что делаешь...

Мне казалось, что знаю.

Я купила нам квартиру, ведь в старенькой двушке, приобретенной когда-то, тесно двоим. А ведь нас может стать трое или даже четверо. Что с того, что мне уже тридцать семь? И в сорок рожают.

Машина для Игорька.

И его увольнение. Это разумно, ведь работник из него аховый, а домом заниматься кому-то да надо, я ведь никогда не любила домашнее хозяйство. Наша недолгая совместная жизнь... то есть брак протянул несколько лет, но теперь они казались едва ли не мгновением.

Мы были счастливы?

Я была. Некоторое время. Несмотря на шепотки за спиной, на смешки откровенные и сокрытые. Плевать мне было. Главное, что дома меня ждали горячий ужин – а готовить Игоряша научился отменно – и душевный разговор.

Он слушал. Внимал. Поддерживал. Он был достаточно образован, чтобы вникнуть в специфику моей работы, а не просто кивать, выслушивая жалобы. Иногда он и советы давал вполне вменяемые.

А потом...

Тьма, меня окружавшая, вздохнула. Тьма мне сочувствовала, понимала, каково это – быть преданной. И ладно бы другая женщина, хотя и без нее не обошлось, без дурочки-студентки черноокой и чернокудрой, возомнившей себя воительницей за личное счастье.

Я бы рассмеялась.

Я и рассмеялась.

Наивный ребенок, она прислала мне душевное признание об их с Игоряшей любви, которой в брак переродиться мешаю исключительно я... Игоряша меня давно не любит и живет исключительно потому, что жалеет слабое мое здоровье, но она... как ее звали-то? Леночка? Анечка? Или как-то иначе, с претензией? К примеру, Элеонорочка? Не важно, она знает, что со здоровьем у меня полный порядок, сердце работает, почки тоже отваливаться не спешат, а потому не буду ли я столь любезна отойти в сторонку.

Я не была.

То есть рассказу я поверила, ибо девочка, с которой я устроила встречу, оказалась вполне убедительна, описывая свой несчастный роман. И чувствовала я себя мерзко.

Оплеванной?

Он ведь ни словом, ни намеком... Он был так же любезен и притворялся счастливым. Он встречал меня, кормил рас-треклятыми ужинами и выслушивал... выслушивал... я да-же дрогнула, решив от девицы откупиться, в конце концов, Игоряша, как и все мужчины, падок на сладкое, так стоит ли ради одной девки рушить брак?

Но на сердце было беспокойно, как будто мой рай оказал-ся червивым. И, наступив на горло собственной песне, я по-ставила задачу нашей службе безопасности. Благо возникли некоторые подозрения. И я... бог видит, я искренне надея-лась, что подозрения эти пусты. Что череда неудач наших – лишь совпадение, что сорванные сделки сорвались сами по себе, как и тендеры проигранные. И не удивилась, когда вы-звали меня к Самому.

– Вы нас подвели, Оленька, – сказал он, положив на стол папочку с документами.

Та брюнеточка была не единственной. Блондиночка. Ры-женькая... Игоряша любил разнообразие не только в кули-нарии. А еще он любил дорогие вещи. Я не обделяла его, от-нюдь.

Машина.

Мотоцикл.

Одежда и обувь. Техника и прочие игрушки, столь важные для мальчиков, просто деньги, благо зарабатывала я вполне прилично. Но тех денег ему, как понимаю, было мало. Вот и повадился сливать информацию. И платили за нее неплохо.

– Прошу прощения. – Тогда-то я и ощутила себя униженной.

Растоптанной.

А еще – старой и некрасивой настолько, что даже мое состояние не способно оказалось компенсировать жизнь со мной.

– Что делать станешь?

– Разводиться.

Что я еще могла?

И надеяться, что этого хватит, что меня не выставят за дверь, несмотря на годы беспорочной службы. То-то все порадуются: железная стерва оказалась слаба на передок.

– Это ты погоди, Оленька... это ты всегда успеешь. – Сам постучал по столешнице пальцем и вид принял презадумчивый, хотя я не сомневалась, что все им уже придумано и передумано, а еще судьба моя, какова бы ни была, решена давным-давно. – Сначала давай-ка поработаем. Что у нас там близится? Сделка по «Скай»? Вот и скажи ему...

Я могла бы отказаться. Наверное. Все же игры эти шпионские не для моей натуры. Но отказ означал бы мое нежелание сотрудничать, а с ним и увольнение. Причем, зная ха-

раक्टर Самого, из причины он не стал бы делать секрета.

Да и прав был Сам, ситуацией стоило воспользоваться.

И мы пользовались.

Три месяца игры на публику в лице единственного зрителя, который настолько привык ко мне, что не заподозрил неладного. О нет, Игоряша был мил. Любезен. И научился готовить омаров. Мне ведь нравились омары. Он обсуждал все и сразу, нашу с ним грядущую поездку в Рим, и еще в Ницце он никогда не бывал... И конечно, затруднения на моей работе – это временно. Меня любят и ценят, считают великолепным специалистом.

Он кормил меня.

Я его.

Взаимовыгодное сосуществование, в которое не вписывались брюнетки с блондинками.

А потом грянул развод.

Просто однажды я пришла, а вместо ужина меня ждал скандал.

– Как давно ты знала? – Игоряша тряхнул мелированной челкой.

– Что именно?

– Все!

А ведь он выглядел кукольным мальчиком. Я ему говорила, что пластика носа – это глупость, что мне безразлично, какой формы этот самый нос, а уж пластика ягодиц так вообще бред... на нее я денег не дала, а вот нос он исправил.

– Всего я и сейчас не знаю.

Он топнул ножкой.

– Ты меня подставила, стерва! – и добавил пару слов покрепче. – Ты понимаешь, перед какими людьми ты меня подставила?

– Перед какими? – покорно поинтересовалась я, испытывая в душе одно лишь желание: выставить этого позера из квартиры, да и из жизни заодно.

– Ты... ты...

Он носился, заламывая руки.

– Это ты виновата... ты во мне никогда не видела мужчину!

– Может, потому что ты мужчиной и не был?

Мне не стоило этого спрашивать, а ему не стоило меня бить. Хотя... эта пощечина развеяла остатки иллюзий и угрызения совести тоже пригасила.

Был развод.

Грязный и муторный. Вдруг оказалось, что эта сволочь имеет какие-то права что на квартиру мою, что на банковский счет. Что требует он компенсации материальной за нанесенные повреждения, список которых впечатлял, а заодно уж и моральной.

Квартиру я отстояла из принципа.

Да и вообще за моей спиной стоял Сам, у которого тоже имелось что сказать Игоряше, вот только разговаривать с подобными моему бывшему он предпочитал посредством пары

цепных юристов.

Может, оно и правильно.

– А я ведь тебя любил, – сказал Игоряша, когда в нашем разводе после полугода тяжб была-таки поставлена точка. – Я действительно тебя любил, но оказалось, что тебе это не нужно... ты была... ты была мужиком...

– Может, потому что ты не был?

– Плевать, – он отмахнулся. – У тебя был я. А теперь ты сдохнешь одна.

Надо же, прав оказался.

Я не испытывала ни удивления, ни огорчения, ни раскаяния.

Сожаление, пожалуй.

Я продала ту квартиру. Работу менять не стала, да и Сам не позволил бы.

– Нагадила, – сказал он, сплевывая пережеванный табак в малахитовую вазочку, – исправляй... прищепи хвост этим ублюдкам...

Он оказался прав.

Накопившаяся во мне злость требовала выхода, и я с удовольствием окунулась в работу. Я дневала и ночевала, вымещая гнев на конкурентах и находя в том извращенное удовольствие.

Да и как-то так получилось, что не осталось у меня ничего, кроме работы.

Отец умер.

Потом матушка и тетки, которые ушли в один год, будто не способные расстаться друг с другом и в посмертии. Они не одобряли развода и моего образа жизни, не оставившего надежд на продолжение рода. А я... в сорок пять странно задумываться о ребенке, да и боялась я...

Выходит, не зря.

Темнота слушала.

Я знала, что все эти мысли для нее не являются тайной, быть может, она создана-то исключительно для того, чтобы мысли эти появились, чтобы я, оказавшись в месте, где действовать невозможно, остановилась и задумалась.

Я задумалась.

И чем больше думала, тем яснее осознавала: моя жизнь была...

Неудачной?

Отнюдь.

Плохой?

Тоже неверно.

Бессмысленной?

Не так, чтобы вовсе, все же специалистом я была хорошим, но... я не делала дурного, но и хорошего не совершала. Я позволила себе просто существовать и теперь явственно понимала: этого недостаточно.

Слишком многое упущено.

Ах, если бы я могла вернуться... если бы...

Глава 2

Тьма сгустилась.

И навалилась.

Обдала жаром и вонью, заставляя меня содрогнуться, а потом стала плотной, такой плотной, что я ощутила ее и еще острый смрад, озноб, влажные простыни и запах ароматных палочек. Никогда их не любила.

Тьма распалась на куски.

Посветлела.

Я... жива?

Кажется, да.

Я дышала. И чувствовала, как в груди, туго спеленутой чем-то, клекочет кашель. Горло саднило. Кости ломило... в какой-то момент трусливо захотелось вернуться в темноту.

Нет уж.

Я пошевелила пальцами.

И осознала, что они – не мои. Это как... как чужие туфли надеть. Вроде бы и размер твой, и модель подходящая, а все равно не то.

Свои руки я знала.

Я очень хорошо знала свои руки с толстоватыми пальцами и маникюром от Леночки, которая всякий раз причитала, что с прошлой недели я совсем себя запустила.

Эти если и видели уход, то весьма специфического толка.

Кожа была смугла.

Ногти – темны и коротки. Их если и подпиливали, то...

Тонкое запястье. Слишком уж тонкое и дважды обернуто толстой красной нитью. Монетка на ней. Знак «И-юцань», все, что осталось от нянюшки, на удачу и чтобы привлечь мужской взгляд. Но, верно, ведьма-шисса, знак этот заговаривавшая, была слишком слаба, а может, плата показалась ей недостаточной, и потому не помог.

Это не моя память!

Но...

Я с трудом, но села, позволив тяжелому волглому одеялу соскользнуть.

Узкое тело.

Грудь... непонятно, есть ли, повязка мешает рассмотреть. Но если и имеется, то небольшая.

Плоский живот.

Шея.

Лицо... определенно чужое. Слишком уж неправильное. Я не могла сказать, в чем именно состояла неправильность, но собственное лицо я знала распрекрасно, а это... это было другим.

Кто я?

И где я?

И это тот второй шанс, о котором я просила? Я не так его представляла.

Из горла вырвался надсадный кашель.

Ларингит?

Если не воспаление легких. Интересно, есть ли здесь, где бы это «здесь» ни было, антибиотики, или моя вторая жизнь рискует оказаться короткой и столь же бессмысленной?

– Госпожа! – Тень у изножья кровати шевельнулась, превращаясь в крохотную девочку. – Госпожа очнулась... госпожа желает пить?

Она поспешно наклонилась, чтобы наполнить небольшую чашу водой.

Поднесла ее к губам.

И голову придержала.

А ведь я и вправду пить хочу, я просто-таки умираю от жажды, вот только каждый глоток дается с боем. И не вода – настой трав, горький до оскомины.

– Пейте, госпожа... исиго сказал, вы должны больше пить... он заговорил травы... он сказал, что если вы увидите рассвет, то будете жить...

И взял небось три золотых лепестка, не меньше. Но, верно, мне было совсем уж дурно, если я решилась послать за исиго.

Будет обидно, если его травы не помогут.

– ...Шину велела послать за ним... простите, госпожа, но она так за вас волновалась... все за вас волновались...

Госпожа.

Это хорошо, это значит, что каким бы мир ни был, я в нем не на самом низу. И золото... я смогла оплатить врача,

следовательно, какие-никакие запасы имелись.

– С-свет... – просипела я с трудом, едва не подавившись горечью лекарства. И девочка поняла меня верно. Она споро соорудила гору из подушек, на которую я оперлась, и дважды хлопнула в ладоши.

– Г-госпожа, простите, но исиго сказал, что вам нужно...

Шар светился тускло.

Обыкновенный такой шар, размером с небольшую дыню. Стекланный. И поставленный на кованую треногу-дракона. Внутри шара плясали пылинки, дракон изгибался под этакой тяжестью, а я... я пыталась понять, как оно светится.

Заряжали в месяц Журавля, и обошлось это удовольствие в целых пять лепестков, можно подумать, у меня под домом клад зарыт. Все норовят обидеть бедную женщину, и исиго-тоши, толстый, с лоснящимся лицом и тонкой мышиною косицей, долго вздыхал и презрительно кривился, пересчитывая серебряную мелочь.

Потом ворковал над ящиком с шарами и клялся, что наплатил кристаллы силой до краев, тогда как ныне очевидно, что сжульничал... и ведь не пожалуешься...

Это еще почему?

Я поморщилась.

Жаловаться надо уметь, а подобный обман спускать – это расписываться в собственном бессилии.

– Это жевать. – В рот мне впихнули махонький липкий шарик. – Госпожа, умоляю...

Шарик был горький.

И клейкий.

И я с немалым трудом удержалась, чтобы не выплюнуть его. Вот же... небось на неочищенной смоле катали, а дамам Верхнего города розовую пудру добавляют для сладости, и еще...

Шарик растекся, обволакивая рот. О нет, а мне казалось, что нет ничего хуже топленого барсучьего жира, которым меня в детстве потчевали. Оказалось, что есть.

Я поспешно хлебнула горького отвара и дышать стало немного легче.

– Исиго придет вечером, – затараторила девочка, усаживаясь на ноги.

Она была смуглой и очень худой. Узенькое личико с плоскими скулами и раскосыми глазами какого-то слишком уж яркого зеленого цвета. Да и переносица... у людей не бывает настолько широкой переносицы. А еще коготков, которые она поспешно втянула, стоило заметить мой взгляд.

– Простите, госпожа. – Она наклонилась, утыкаясь лбом в циновки. – Я слишком много говорю.

Ничего.

Это даже хорошо... глядишь, я и пойму, кто я и где оказалась.

В доме Тай-ши, который мне, последней из рода Танцующей цапли, остался весьма сомнительным наследством. Единственным наследством, что не сумел разорить никчем-

ный мой супруг, пусть демоны-лао терзают душу его во веки вечные.

Ничего не понятно.

Я закрыла глаза и открыла.

С домом позже разберусь, а пока...

Комната.

Небольшая.

Мебель... а вот мебели почти нет. Пол застлан плетеными циновками. Пара ширм. Рисунки на рисовой бумаге... Откуда я знаю, что на рисовой? А вот знаю, и все. Это моя ма-тушка увлекалась, а у меня таланта не хватало.

И усидчивости.

Искусство ти-куэй, рисунка одной линией, требует терпения и сосредоточенности, а я же, Йоко из рода Танцующей цапли, всегда была удручающе непоседлива.

Не отвлекаться.

Подставка с драконом.

Меховые одеяла, от которых пованивало, и чистили их, выходит, давненько. Пара деревянных башмаков у двери... и сама-то дверь отнюдь не из дерева сделана, как и внутренние стены. Бумажные? Пусть и зачарованная бумага, но все-таки...

Безумие.

Где я оказалась?

– Зеркало, – велела я, и девочка – надо-таки узнать ее имя – послушно метнулась к плоскому длинному сундуку,

который я сперва и не заметила. Она откинула крышку и вытащила длинный футляр, который с поклоном протянула мне.

Зеркало было прямоугольным.

На витой кованой ручке, изображавшей двух танцующих цапель, на раме его переливались алым полированные камни.

– Госпожа, – голосок девочки дрогнул. – Исиго уверяет, что вы выздоровеете и ваша красота к вам вернется.

Она из рода зверошкурных, и отец ее входил в сотню, что охраняла самого наместника. Так, во всяком случае, утверждала потаскушка, приведшая девчонку в дом. И попросила за нее недорого, всего-то три серебряных.

У меня в тот день было хорошее настроение, да и служанка нужна была. Я слышала, что зверошкурные выносливы и почти не нуждаются во сне, что же касается натуры их, то оно и к лучшему.

Зверям несвойственно притворство.

А почтительности я ее научу... научила.

Но как ее зовут?

Позже.

Мое лицо... я ведь была красавицей, славная Йоко, единственная наследница золотых дел мастера, последний цветок на древе рода.

Ах, какие на меня возлагали надежды!

И смерть отца несколько не изменила матушкиных пла-

нов. Она сама готовила меня к первому выходу. Покрывала лицо рисовой пудрой тончайшего помола, подводила глаза черной краской, чтобы казались они больше и выразительней.

Рисовала губы алым.

Она обернула мои бедра шелком с вытканными на нем цаплями, символом нашего рода, а после помогла облачиться в праздничный наряд из алой материи...

На меня смотрела женщина.

Еще не старая, но уже не юная. Она была, пожалуй, по местным меркам и хороша, но я коснулась пухлых губ. Мультишное какое-то личико с остреньким подбородочком, со скулами высокими... а глаза те же узкие, восточного разреза, только цвет ярко-голубой, неестественный.

– Не стоит переживать. – Мне опять поднесли чашу с отваром. – Вот увидите, все будет хорошо...

Отвар был горек.

И от этой горечи слезы из глаз хлынули.

От горечи, и только.

Я видела сны.

Сны о чужой жизни, такие яркие, такие настоящие.

Круглые зонтики из все той же рисовой бумаги, расписанные змеями и лотосами. Узкая дорожка, что вилась у подножия огромных деревьев, и кроны их, переплетенные друг с другом.

Нежные бело-розовые цветы.

Ветер, что срывал лепестки, укладывая их мне под ноги.
Не мне, но прекрасной Иоко из рода Цапли...

Круглый камень, что чешуя невиданного зверя. И деревянные подошвы башмаков стучат по нему, выбивая собственную музыку.

Я иду.

И матушка держится чуть позади.

Она примерила черное томэсоде¹, которое украшено пятью гербами-камон, а ниже пояса расшито мельничными колесами и черепахами, подвязав его желтым поясом. Она спрятала волосы под вдовий убор.

И зонтик взяла простой.

Благочестивая вдова из хорошего дома. А я... не я, но Иоко.

Ее фурикодэ² расшито цветами, и пояс-оби стягивает тонкую талию, подчеркивая хрупкость юной невесты. Лицо ее набелено, а брови выведены черною краской. Мамина онна-сю³ долго колдовала над ее лицом, чтобы выглядело оно достойно.

Это высокое искусство.

Одно неловкое прикосновение кисти способно из благо-

¹ Традиционное кимоно замужней женщины с рисунком только на подоле. Часто украшалось гербами-камон на груди, спине и рукавах. (*Здесь и далее примеч. автора.*)

² Буквально переводится как «развевающиеся рукава»: они у фурикодэ примерно метр длиной. Это самое официальное кимоно для незамужней женщины.

³ Женщина-служанка.

родной дамы сделать презренную юдзё.

Кружево света ложится на зонт, украшенный цветущей ветвью. Это опасно, быть цветком среди цветков, легко остаться незамеченной, но не ей... мне.

Горбатые мостики.

И тени других невест, которым посчастливилось получить приглашение от Наместника. Мы проходим мимо них, исподволь разглядывая роскошные их наряды. Иные завораживают, особенно то белое, которое надела Ноноки, единственная дочь военачальника ЮЦиня... шелк, расшитый серебром, есть ли что прекраснее?

И сама она...

Но Иоко умирят ревность, не позволяя низменному этому чувству отразиться на лице. Она раскланивается с Ноноки вежливо и степенно, получая в ответ снисходительный кивок. Лицо Ноноки прекрасно. Оно округло, как полная луна, правда, поговаривают, что смугловато, и потому пудры ей приходится использовать куда больше, чем другим невестам, но ныне... ныне она совершенна.

А вот Кибэй, дочь состоятельного торговца, нехороша.

Нет, ее фурисодэ дорого и сделано самыми лучшими мастерами, но все же... бледно-лиловый оттенок и аметисты... чересчур вызывающе. Да и цапли – не самый удачный рисунок.

Серебряный оби стискивает талию, которой нет, а лицо кажется маской.

Определенно ни одна оннасю не способна исправить уродства чужой крови. А все знают, что благородная Ки не столь уж благородна. И потому лицо ее вытянуто, а глаза круглы, как у коровы. Но отцовское состояние столь велико, что многие закроют глаза на этот недостаток.

Звенят крохотные колокольчики в прическе.

Кружит ветер душистые волны из лепестков, и благородные невесты, лучшие из лучших, гордость и краса провинции Кысин, прогуливаются по дорожкам запретного сада.

За ними ведь наблюдают.

И Июко ощущает на себе внимательные взгляды. Она останавливается у пруда с огромными золотыми карпами. Хорошее место. Здесь растет каменная ива, чьи ветви длинны и покрыты полупрозрачными листьями.

Хрупкость, вот что стоит показать.

Нежность.

И матушка разворачивает сверток с кашей.

Брать ее нужно щепотью и вытягивать руку над поверхностью пруда, позволяя широкому рукаву фуригодэ соскользнуть с запястья. Ненамного, всего лишь узкая, с мизинец, полоска кожи, которая вряд ли видна наблюдателю, но с матушкой не спорят.

Карпы смотрят на Июко, и глаза их круглы, как у Кибэй...

Еще, говорят, у нее грудь огромная, как у коровы, поэтому Кибэй обматывают полотном, прежде чем обрядить в кимоно.

Этот день тянется бесконечно.

И Иоко устает.

Но что есть усталость, когда от нее зависит их с матушкой судьба?

Она задерживается ненадолго в беседке, где накрыты столы, и замечает Кибэй, чье лицо выражает все эмоции, Ки испытываемые: и раздражение, и обиду... и еще голод. Выросшая неприлично высокой, Кибэй много ест, нисколько не задумываясь о том, что ни один ханай в здравом уме не возьмет в дом столь прожорливую невесту.

Кибэй берет крохотные кусочки ёкан⁴ пальцами, выбирая те, что потемнее, засовывает их в рот и глотает, не жуя. Меня она не замечает.

А стол обилен.

Здесь есть и наримоти⁵, покрытые пастой из фасоли адзуко, и засахаренный имбирь, и нарикири⁶.

Запеченные побеги молодого папоротника с сиропом из жженого сахара.

Сушеные бобы в глазури и амэ⁷.

Подобного разнообразия и в моем доме не сыскать было, хотя матушка всегда ценила сладости.

Не в моем.

⁴ Пастила из бобовой пасты и агар-агара.

⁵ Колобки или лепешки из варенного на пару и толченого белого риса.

⁶ Пирожные из белой фасолевой пасты, сахара и тертого горного ямса.

⁷ Вид карамели из крахмала и сахара.

Я – не она, красавица из восточной сказки. Никогда их не понимала и не любила, вот парадокс...

Июко пробует что-то, как по мне, вязкое, больше всего похожее на застывшую медузу. Она медленно жует, стараясь сохранить отрешенное и задумчивое выражение лица. Она знает, что жующий человек некрасив, но и отказываться от угощения Наместника невежливо.

Матушка ее одобрительно щурит глаза и переглядывается с пожилой женщиной в черном кимоно.

Я помню, что это – Юнай и она приходится матушкой неудачливому торговцу, который из дальнего похода, помимо золота и вещей редкой, удивительной красоты, привез белокожую супругу. И что за счастье, что прожила она недолго? Кровь ее пережила и холодные зимы, и студеные весны, когда младенцы мерли от малейшего дуновения ветерка. Ки выросла.

Позор семьи.

И теперь старательно жевала глазированные бобы, нимало не чинясь, что поведение подобное позорит и ее, и несчастную Юнай, и весь род.

Поговаривали, что и отец ее ныне находится по ту сторону каменных вишен, поддавшись настойчивым уговорам матушки, которая не утратила надежд на нормальный брак сына.

И может, это обстоятельство и было причиной недовольства Мины.

Иоко пригубила травяного отвара.

И продолжила прогулку.

Она знала, что ее ждет Аллея плачущих лип. И сад белых камней, который большинство девиц игнорировали, опасаясь, что среди белоснежных валунов их наряды окажутся невыразительны, но Иоко выше страха.

Сон тянется, как эта прогулка.

И я ощущаю жажду вместе с ней.

И голод, который с каждой минутой становится сильнее, и в животе у Иоко урчит совершенно неподобающим образом. Это урчание было настолько неприлично, что Иоко едва не споткнулась.

Идзанами милосердная...

Невеста хорошего рода не может быть настолько неуклюжей! Ей удалось устоять. И зонт не уронить. И даже взмах рукой выглядел изящно: поднялся рукав фурикодэ, распустился, раскрыв сложный свой рисунок.

Хорошо, что никто не слышит этого позорного урчания.

Я устала.

И там, и здесь... там – сильнее.

Пруд.

И ветви с остатками розового великолепия... лепестки сыплются в воду, которая зажглась отсветами алого неба. И желтое солнце, будто глаз огромного бакенэко⁸.

⁸ Кот-оборотень, в которого может превратиться обыкновенная кошка, если проживет 13 лет, или она трехцветная, или сильно растолстеет, или запрыгнет

Переливы ветра.

И звон украшений в волосах блистательной Кокори.

Поклон.

И матушка спешит, разом растерявши былую неторопливость. Она излишне суеверна, и после смерти супруга мир вокруг, и без того представлявшийся ей местом в высшей степени беспокойным, наполнился всякого рода чудовищами.

Июко тяжело поспевать за матушкой.

Ноги гудят.

Да и фуригодэ не предназначено для бега... но кто и когда ее слушал? Лишь в повозке, под защитой четырех слуг с бамбуковыми палками, матушка вновь примеряет сползшую было маску.

– Я довольна тобой, – говорит она.

А Июко отправляет в рот рисовый колобок, припрятанный в рукаве. Она слишком устала, чтобы отвечать. И матушкино недовольство – вдруг бы кто увидел, как дочь великолепно-го Хигуро крадет еду, будто нищая служанка, – не способно испортить настроения.

Глава 3

Утро начинается с даров.

Их приносят слуги, оставляя на пороге, и матушка не спешит убирать лаковые коробочки, позволяя себе насладиться триумфом.

– Сомневаюсь, что у самой Ноноки больше даров, – повторяет она снова. – Вот увидишь, мы выберем тебе достойного мужа.

Выбрала.

Ах, если бы матушка послушала Иоко...

Их ведь было столько, тех, кому она отправила перо золотого фазана, приглашая в гости. К примеру, печальный задумчивый Ювэй, славный своими лавками.

– Слишком стар для тебя, – отмахнулась матушка. – И у него четверо детей. Если он умрет, тебя вернут в мой дом.

Кажется, именно тогда у Иоко появилось чувство, что матушка спешит избавиться от нее, не желая больше делить свой дорогой дом еще с кем-то.

Был Кокиру, воин, известный своей храбростью.

– Слишком дерзок, и, поговаривают, Наместник не желает более терпеть его неучтивость...

Гоши, тихий торговец.

– Он из тех, кто думает, что может позволить себе несколько жен. Ты же не желаешь быть третьей? У него и до-

ма-то собственного нет! Он ездит от одной жены к другой... нет, нам такого не надо...

Она отсеивала женихов, как порченный рис, и когда на дне лакового короба осталась лишь пара зерен, задумалась.

– Вот Каито, – сказала она, позволив молодому человеку с круглым желтым лицом взглянуть на Йоко, – и он славный сын славного отца.

Каито был крупным.

И толстым.

Его уши были круглы, и два подбородка возлежали на груди. Он носил желтые одежды, подчеркивая свое родство с Домом Дракона, и много говорил.

У него дурно пахло изо рта.

– Я не хочу видеть его своим мужем, – сказала Йоко, когда Каито покинул дом, уверенный, что произвел на невесту правильное впечатление. О да, он всегда-то знал, что велик и что величия этого достаточно, дабы затмить глаза. – Он ленив и хвастлив, а отец...

– Он сын Ито Кари, – строго сказала матушка.

– Пятый сын.

И дом его, пусть и построен у самого подножия горы Тэнцзу, что свидетельствует не только о богатстве, но и о расположении Наместника, некрасив.

Сам он принес в дар Йоко сушеные водоросли и долго и нудно распинался о том, какую честь оказывает, ведь сама Йоко, несмотря на богатство свое, происходит из низкого ро-

да, тогда как...

Матушка пригрозила побить розгами, если Иоко не будет ласкова с женихом.

Она не желала, но...

И отец понял бы... отец никогда не любил подобных Каито, но он давно уже ушел к богам, и пусть Громовые драконы будут милостивы к душе его, пусть пронесут под радужным мостом к стеклянному дому о семи дверях, которые все до одной смотрят на восход.

Вздых.

И кажется, горький ком в груди тает.

Сватовство.

И положенный обмен дарами.

Матушка довольна не столько сундуком с золотыми украшениями весьма уродливой работы, но парой рыбок из пруда Императора. Это ей сказали. А вот Иоко всю ночь этих рыбок разглядывала и не нашла разницы с теми, что продает старый Тотоко, прозванный птицеловом.

Но матушке нравится думать про Императора.

И вообще она уже все решила, а если Иоко не одумается, то все боги отвернутся от строптивой дочери, ибо из всех преступлений, известных в подлунном мире, нет тягчайшего, нежели дочерняя непочтительность.

Или сыновняя.

Только сыновьями несчастную боги не наградили, а единственная дочь отвратительно строптива и не понимает, что

для нее же лучше.

Свадьба.

И медь, которую металы нищим горстями. Храм Милостивой Идзанами, матери восьми Больших богов. Жрец, что плавил на огне золотую фольгу, сыпал рис и лил душистое масло на угли.

Песнопения.

Переплетения рук.

Исиго, ждавший во дворе храма с клинком и чашей. Он режет руку, и мимолетная боль заставляет Каито кривиться. А кровь мешают, чтобы вылить к подножию древней статуи. Иоко запомнила лишь, что статуя эта покрыта темным мхом, будто диковинным одеянием. Из-за одеяния этого богиня кажется едва ли не бесстыдной...

Пир.

И Каито много ест. Он берет еду руками и облизывает пальцы. Хохочет, глядя на представление бродячих артистов, но когда начинается представление театра теней, не скрывает скуки.

Зевает.

Трет глаза.

Ночь.

Ее провожают пятеро служанок, которые смотрят на Иоко с жалостью. Матушка ее бы отчитала их за наглость, а Иоко молчит.

Невесте ведь положено быть покорной.

Разоблачение.

Омовение.

Ожидание, которое тянется и тянется.

И мне жаль эту девочку с ее ожиданиями, которые вот-вот разобьются. Ее жених не похож на человека, способного на нежность. Но может, я ошибаюсь?

Нет.

Эта ночь стала худшей в жизни Иоко.

Ей так думалось. Но, верно, боги сполна пожелали наказать ее за строптивость и гордыню. Эти ночи повторялись, ибо, несмотря на немалый вес, любовь к вину и дурманной траве, Киато никогда не забывал о супруге.

А еще о служанках и о паре юдзё⁹, которых он содержал.

Боль.

Порой Каито вовсе терял человеческое обличье, переполняясь гневом, и тогда лицо его краснело, а дыхание становилось частым, тяжелым. Он, получивший лучших учителей, умел обращаться и с бамбуковой палкой, и с деревянным мечом... и, пожалуй, захоти он, убил бы.

Но убивать не хотел.

А вот кости ломал.

Неприятно. И даже исиго, приглашенный ненавистной свекровью – сухое лицо ее было застывшей маской презрения, – сочувствовал Иоко. Она читала это сочувствие в глазах его и отворачивалась.

⁹ Проститутка.

Она сбежала.

И была возвращена матерью, не желавшей скандала.

Но эхо его дошло до ушей свекра, самолично явившегося в гости к младшему сыну. Он не стал разговаривать с Иоко, но лишь взял боккен и погнал сына по опустевшему двору. Кричали куры, разбегаясь, и старая свинья громко хрюкала, будто насмехалась над достойнейшим представителем древнего рода. И Иоко расправила крыло веера...

Не помогло.

Нет, он больше не бил ее, трусоватый муж, вообразивший себя незаслуженно оскорбленным. Он нашел тысячу и один способ унижить ту, которую полагал виновной в собственных неудачах.

Но пока жив был отец Каито, все было почти нормально.

Даже хорошо.

Но он скончался перед праздником Юмиками, и сам Наместник явился, чтобы проводить его за радужный мост, и говорил много, красиво, и первым сыпанул в жертвенный огонь горсть монет из золотой фольги.

Сыновья отдали кровь.

Все, кроме Каито, который, набравшись вина, громко заявил:

– Наконец-то издох старый змей...

И разве могла семья его не отвернуться от проклятого после этих слов?

Они хотя бы могли.

Уехала свекровь, и с ней служанки, слуги и половина живности, которую выводили со двора под присмотром Миронино, старшего сына и славного воина, чей грозный вид мигом успокоил хмельного братца его... но в опустевшем доме больше некому стало заступаться за Иоко.

Дни.

Мутные, как дурной ёкан, пропахшие рыбой и кислым вином.

Ожидание.

Он спит до полудня, и это лучшее время, когда Иоко предоставлена сама себе. Она прячется на кухне, где варит тягучий чай из веток бушими. Она выходит пить его на задний двор, где зарастает бурьяном сад. И в тишине его Иоко чувствует себя защищенной.

Она бы осталась в этом саду навек, но... он просыпается и кричит, требуя жену.

Всегда ее.

Встать, выслушать, до чего она, Иоко, подурнела за прошедший день и сколь далеко ей, неуклюжей, неповоротливой и бесплодной, до юной майко, чью благосклонность Каито купит...

Он покупал все, тратя деньги бездумно, будто желая доказать, что достаточно богат, чтобы не обращать внимания на свою семью, которую ненавидел, пожалуй, сильнее Иоко.

Он пил.

И жрал.

Кидался костями в Иоко, хохоча, когда удавалось попасть. Он облачался в очередное роскошное платье, которые доставляли в дом десятками, и уходил играть. В доме наступала тишина.

Слуги?

О нет, он рассчитал всех слуг, сказав, что не желает платить бездельникам, коль у него есть жена. А потому ей вменялось наводить порядок в огромном опустевшем этом доме. И к лучшему... не только он не желал свидетелей своему позору.

С домом она приноровилась управляться быстро.

Он был неплохим, тот дом, и не его беда, что не умел защитить хозяйку. Духи предков взирали со стен с укоризной, будто именно ее, Иоко, винили в произошедшем. У хорошей жены и муж славен делами. Выходит, что она – жена плохая?

Одиночество...

Да, было.

Не грызло, скорее сперва изматывало душу, а после Иоко притерпелась, научилась даже находить в этой тишине свою прелесть. Да и не была она в полной мере одинока: при доме имелась книжная комната с сотнями манускриптов.

Почему их не вывезли?

Иоко не знала.

Как не знала, почему Каито Гнилодушный избегал заглядывать в эту комнату. Пугал ли его сумрак? Темные стены? Или же рисунки на шелке, повествующие о славных деяниях

предков?

Не важно.

Иоко здесь нравилось. Она говорила с масками предков, прося прощения за дерзость свою. Но ведь муж не запрещал ей читать?

Запретил бы, если бы заподозрил, что Иоко грамотна.

Она была так осторожна.

Мгновения тишины.

И покой, позволявший ей восстать из праха, как поверженная зима восстает из первого снега. Выбор, когда пальцы скользят по темной коже туб. Кто бы ни создал эту комнату, он был весьма заботлив, упаковав каждый шелковый свиток в отдельное ложе.

Кожа была зачарована.

Как и шелк.

Здесь имелись и труды мудрецов, вряд ли годные для того, чтобы быть понятыми женским разумом, и сперва Иоко отказалась от самой мысли прочесть подобные эмакимано, но...

Тэдзюгига с ее удивительными и смешными рисунками.

И Повесть о Гэн-Зи, занявшая более двух дюжин свитков, странная и меж тем увлекательная.

Свод законов и пояснения к нему, чтение скучное, однако весьма полезное.

Дворцовые истории столь легкомысленные и даже бесстыдные, что, прочтя их, Иоко две седмицы не смела ступить

в книжную комнату.

Сборник острословов.

И высказывания Ю-Харао, мудрейшего из Императоров, чьи потомки держат ключи от Хрустального моста. Описания деяний богов и возникновения мира. Правила игры в гошими с пояснениями... доска... играть против себя поначалу кажется глупостью, но... женщинам позволено не пользоваться умом.

В какой-то миг я забываю, что это лишь сон, и становлюсь этой рано повзрослевшей девочкой. Не она, но уже я склоняюсь над доской, лишь отдаленно напоминающей шахматную. Она расчерчена клетками четырех цветов.

В некоторых имеются изображения.

Дракон.

И цветок священного лотоса.

Птица игихару, способная обратить любой ход или же сжечь любого противника. Я передвигаю резные фигурки, поворачивая тяжелую доску вокруг оси. Я задумываюсь над тем, следует ли послать вперед копьеносца либо же лучше пожертвовать книжником, который сам по себе слабая фигура, но...

Он так и не узнал ни про комнату, ни про игру, ее ничемный супруг, погибший где-то там, в городе. Ей сказали, что он, пьяный и окончательно потерявший разум, оскорбил благородную даму не только словами, за которые ему стоило бы вырвать язык, но и прикосновением, чего охрана не мог-

ла уж стерпеть.

Его не убивали.

Поколотили.

Бросили.

И он лежал, пока кто-то из сердобольных прохожих не помог подняться. А может, дело вовсе не в сочувствии, но в надежде получить монетку-другую? В Нижнем городе ее супруг был известен бездумной своей щедростью.

Как бы то ни было, он, оскорбленный и униженный, решил, что должен выместить на ком-то обиду, и отправился на Веселые поля Ёсивара...

Его нашли поутру за оградой.

Замерз?

Утонул во рве, что окружал квартал?

Или же... кто знает? Стены, окружавшие Ёсивару, высоки. А стражи на воротах глухи и слепы, ибо те, кто приходит сюда, не желает быть узванным.

Да и внутри...

У многих юдзё есть опасные друзья, готовые сторицей отплатить за нанесенную обиду. А проклятый Каито был зол в тот день и привычен срывать злость на слабых.

Кто ж может быть слабее какой-нибудь юной хаси¹⁰, чье внимание стоит горсть серебра?

Только жена.

Но она, на свое счастье, была далеко...

¹⁰ Низший ранг юдзё.

Дознание длилось недолго.

Несчастный случай.

Был пьян. И бит. И устал, верно, а потому лег спать... замерз... виновных нет, но если госпожа пожелает...

Госпожа желала лишь поскорей схоронить то, что было ее мужем. Разве не это долг хорошей жены? И она старалась, в веренице обрядов скрывая подлую свою радость.

Свободна!

Наконец-то свободна...

Перед рассветом задышалось легко, будто камень из груди вытащили. Помог ли горький отвар или же что-то иное, но я поняла – буду жить.

Мы будем.

Глава 4

Я открыла глаза.

Дневной свет пробивался сквозь узкие окна, затянутые, как мне сперва показалось, мутным стеклом. Но потом я поняла, что это не стекло, а что-то вроде полупрозрачной бумаги.

Я зажмурилась.

И заставила себя сесть, пусть и телом овладела невероятная слабость. Тяжкий ком в груди и вправду растаял, а горло хоть и болело, но не так сильно, как прежде. Мой рот наполнился вязкой горькой слюной, которую я сглатывала, но без особого успеха.

Я помнила все. Каждую минуту этого странного сна. Более того, я понимала, что его нельзя считать сном в полной мере. Вытянув руки, я убедилась, что это по-прежнему не мои руки.

Те же узкие запястья.

Шрам на сгибе локтя. Я теперь знала, что это след от раскаленной кочерги, которую мой супруг соизволил прижать, наказывая меня за нерасторопность.

Ее.

Нас.

Проклятие, с этим раздвоением личности что-то надо делать. Шрам был уродлив, а вот другой, нанесенный тончай-

шим веером, почти красив, будто кто-то начал писать на коже священный символ «Сё», но выронил кисть...

Хорошо, что эта скотина умерла. Боюсь, во мне нет ни толики терпения.

И непонятно, почему Иоко ушла.

Куда?

И зачем, если только сейчас обрела хоть какое-то подобие свободы?

Я поморщилась.

Пошевелила пальцами, привыкая к новым ощущениям. Потянулась. Огляделась.

В дневном свете комната была... жалкой? Дело вовсе не в том, что она мала, отнюдь. Моя первая квартира вся поместилась бы в этой комнате.

Пол.

Циновки, которые выглядели изрядно ветхими.

Сундуки на колесиках. Влажные пятна на шелке, покрывавшем стены... и свет, прошедший сквозь бумагу и при том какой-то мутный, тяжелый.

Этот дом представлялся ей убежищем, в котором Иоко могла бы провести последние годы жизни.

Какие, мать его, последние годы?

Сколько было этой девочке, когда она вышла замуж? Пятнадцать? Я прислушалась к ощущениями и кивнула. Определенно... и в браке она провела шесть лет? Следовательно, сейчас ей... двадцать два...

Почтенная вдова. Я хмыкнула и закусил губу, чтобы не рассмеяться. Боги этого мира... какая из меня почтенная вдова?

...и содержательница Дома призрения.

Что?

Я потеряла виски.

С памятью тоже что-то надо делать, правда, непонятно, что именно.

Сосредоточиться.

Итак, смерть супруга... пусть сожрут его душу подземные демоны, а в черепе змеи совьют гнездо, ибо лучшего он не заслужил... похороны.

Кредиторы.

Он много тратил, спустив сперва те малые деньги, что остались ему от отца, потом и мое, то есть наше приданое. Коллекцию нефритовых статуэток и наиболее ценные из свитков, благо некоторые ей удалось спрятать. Верно, он продал бы и Иоко, если бы счел, что за нее готовы заплатить.

Ей пришлось расстаться с домом.

И с экипажем.

С роскошными одеяниями, за которые теперь давали едва ли четвертую часть стоимости. И это печалило ее. Ушли зеркала. Черепеховые гребни и шпильки для причесок. Мелкие украшения, ведь с крупными расстался еще муж.

И оставлен был лишь старый дом, который отдали из жалости, поскольку матушка возвращению Иоко не обрадова-

лась.

– Это твоя вина, что ты не сумела поладить с мужем. Мне не надобен такой позор.

Пожалуй, именно тогда в кроткой Иоко и вспыхнуло чувство, которое можно было бы назвать гневом. Именно оно и позволило переступить через стеснительность.

Законы...

Она ведь читала их, заучивая наизусть, будто была чиновником.

– Ты не можешь не принять меня, матушка, – сказала она, – ибо тогда я отправлюсь к Наместнику просить о справедливости. Но если ты не желаешь со мной жить, отдай мне мастерскую отца.

Матушка поджала губы.

Она давно собиралась продать это строение, которое в душе полагала ничемным, но никак не могла сойтись в цене, да и скверный нрав ее, с годами сделавшийся еще более дурным, чем прежде, мешал торгам.

– Думаешь продолжить его дело?

– Не его. – Иоко точно знала, что будет делать, и это знание наполняло ее силой. – Свое. И клянусь собственным именем, я больше не буду тревожить тебя просьбами.

Матушка согласилась.

Значит, это мастерская, точнее, жилая ее часть. Память услужливо подсказала, что дом разделен на две половины. И мастерская ныне заперта, туда не заглядывали давно – без

надобности сие, Иоко даже подумывала о том, чтобы переделать ее, но что-то да останавливало.

Три сундука с нарядами.

Два – с посудой, которая не годилась для продажи.

Дерево Лю в кадке.

И мешочек с монетами, который она благоразумно спрятала в железном сундуке, благо секрет его, отцом показанный, она помнила.

Надеюсь, я тоже вспомню.

А пол теплый. Ласковый, будто шелковый. Надо будет убрать циновки, зачем они, если пол такой. Доски выглажены, цвета темного, шоколадного.

Прошение в канцелярию Наместника и три золотых монеты секретарю, который не позволит прошению этому затеряться среди иных бумаг.

Томительное ожидание.

Ответ.

Свиток на толстом шелке с пятью печатями... один вид их внушает трепет, и значит, Иоко была права: ей дозволено открыть дом Покинутых жен.

Это случилось в год три тысячи четыреста двадцатый от Сотворения мира.

Была война.

И воины с алым драконом на стягах мелким гребнем прошли по Островам. Не осталось ни камня, ни пяди земли,

которых не коснулись кожаные их сапоги. А Великая стена, опоясывавшая остров Нихоцагу, рассыпалась пылью, когда Ми-Циань, прозванный Драконом в честь предка, от которого якобы пошел его род, протянул к ней руку и сказал Слово.

Иоко не знала, что это было за слово.

Да и никто не знал.

Быть может, только мудрецы страны Хинай, потому как они, говорили, знали все, даже количество звезд на небосводе. Однако речь не о них, но о Соро, прозванной Печальнойю.

Муж ее пал, встречая врага.

И сыновья полегли на полях Цэдуми, кровью своей наполнив родники. С тех пор воды их красны и почитаются целебными.

Не стало армии.

И даже великий Маорха, написавший трактат о Войне, вынужден был вскрыть себе живот, смертью спасаясь от позора. В тот день, когда Ми-Циань во главе орды своей подошел к Белому городу, Соро вышла навстречу. Она обрядилась в белые траурные одежды, а волосы распустила.

Она не стала красить лицо.

И шла босой по пустым улицам. И жители стенали, зная, что никогда больше не увидят ту, которую недавно именовали Прекраснейшей, ибо была Сора столь красива, что простые смертные лишались разума, взглянув в ее лицо.

Но, верно, враг не был простым смертным.

– Мне говорили, что ты прекрасна, – обратился он к жен-

щине, которая протянула ему шкатулку с Большой имперской печатью. – А я вижу перед собой лишь жалкую старуху.

И слова его слышал каждый.

Это было оскорбительно.

– Возьми, – сказала она. – Это теперь твое...

– Мне говорили, что ты улыбаешься, а голос твой подобен пению горных ручьев. Но я вижу кривой рот и слышу воронье карканье... почему так?

– Моя красота принадлежала моему мужу... ты забрал его, – отвечала Соро. – И моя красота ушла вместе с ним. Я улыбалась, глядя на своих сыновей, каждый из которых был достоин оседлать имперского дракона, но ты забрал и их... мой голос звенел от радости, но радости в моей жизни больше не осталось...

– Ха, – отвечал ей Ми-Циань. – Если думаешь, что твои стенания меня разжалобят, то ошибаешься... я думал посадить Прекраснейшую подле себя, но вместо этого велю погнать прочь из города...

И приказал содрать траурные одежды.

– А печать... – Ми-Циань повертел ее в руках и бросил в пыль. – У меня будет своя...

В тот же вечер стяги с Алым драконом вознеслись над стенами города Нара, чтобы продержаться там семь дней и семь ночей... столько времени умирала великая армия.

Почему-то в Хрониках обходили этот момент стороной. Была армия и не стало. И уничтожила ее Прекраснейшая, не

пощадив при том и жителей.

На седьмой день она вошла в ворота.

И подняла печать, которая так и лежала в песке.

Она отправила гонцов к некоему Тэцуго, жившему в рыбацкой деревушке, с тем, чтобы явился он исполнить долг крови. Ему она и вручила что печать, что дворец, что разоренную войной страну. А сама попросила себе право жить в небольшом доме, куда принимала осиротевших женщин.

Так появился первый Дом.

Войны случались часто.

И не только они. Чужая память подсказывала мне, что постепенно в Дома стали отправлять женщин родичи, предпочитавшие единожды заплатить Хозяйке, нежели постоянно нести траты и ответственность за тех, кто стал вдруг лишним.

Это было... прилично?

Пожалуй, именно так.

Сложный мир.

И память сложная. Все мне никак не удается с нею поладить.

В моем доме пятеро.

Это немного.

И немало.

За каждую женщину, согласно указу Императора, мне платят три серебряных лепестка в месяц. Это немного, но и не мало... голодать мы не должны.

Хватит и на хворост для очага.

Зимы здесь прохладные...

На второй день, когда стало очевидно, что болезнь моя окончательно отступила, я велела оннасю приготовить купальню. И пусть девочка старательно отирала мое тело влажными полотенцами, но это было не то. Не покидало ощущение грязи, да и выйти из комнаты своей хотелось.

Иоко вот предпочитала одиночество, но...

Почему она ушла из тела?

Еще одна загадка.

Если бы тогда, когда жив был подонок, именовавший себя ее мужем, это было бы понятно. Или позже, когда кредиторы растаскивали жалкие крохи былых богатств. Или когда пришлось умолять матушку о милосердии... но нет, она преодолела все.

И умерла.

От банальной, как полагаю, простуды.

Истощились жизненные силы? Или Иоко так привыкла выживать, что разучилась просто жить? Не знаю. Мне жаль ее, но это не совсем искренняя жалость, ведь ее смерть, неизвестно как, дала мне еще один шанс. Не его ли я хотела?

И вот, получив, постараюсь не растратить впустую.

Итак, я вышла в узкий коридор, перегороденный станами из лакированной бумаги. Они легко скользили, позволяя преобразать дом...

Легкость.

Свежесть.

Запах зимней вишни. Циновки на полу. И те же узкие длинные сундуки вдоль стен. Светящиеся шары на кованых подставках. И солнечный свет, проникающий сквозь полубумажные стекла.

Тишина.

Я знаю, что в доме звуки разносятся легко и что пятеро моих... подопечных? Постоялиц? Они прячутся где-то здесь, и странно, что я ничего не слышу.

Или нет?

Всхлип.

Стон будто бы протяжный. И вновь тишина... терраса.

Сад.

Он не похож на те сады из прошлой моей жизни, он будто является продолжением дома. Дорожки. Трава. Россыпь мелких белых цветков.

Холм.

Ручей с крохотным водопадом. Мокрые камни. И синяя стрекоза, замершая над водяной гладью. Здесь даже дышалось иначе, и я остановилась, вцепившись в плечо девочки.

Вдохнула влажный сырой воздух.

Наклонилась, коснувшись воды кончиками пальцев. Мягкая, как шелк... и пахнет цветами. Время вишен давно ушло, но азалии держат оборону. Скоро осень, а с осенью приходят холода. И сомневаюсь, что холодный дом способен удержать

их.

– Идемте, госпожа. – Моя оннасю не отличалась терпением. Матушка непременно велела бы высечь ее за дерзость...

Странная мысль.

Чужая.

И моя в том числе. Когда-нибудь я всенепременно привыкну к этому раздвоению. Надеюсь, что привыкну.

Высокая кадка из дерева шигу наполнена горячей водой. И девочка помогает мне подняться по узкой лесенке. Она же снимает грязную одежду и, причитая, что слишком рано я вышла из дому, что моя болезнь еще не отступила, а вода опасна для слабых телом – все это знают, – льет на плечи душистую жижу.

Мыло?

Шампунь?

Соль? Соль в воде я ощущаю и расслабляюсь. Жар извне растапливает другой, тот, который внутри. Пальчики моей оннасю пробегаются по шее, по лицу. Разбирают волосы.

Втирают в них смесь из золы и жира и чего-то еще, о чем я знать не желаю.

Я же люблю садом.

В той моей жизни я хотела купить дом, но как-то все руки не доходили, а когда дошли, оказалось, что мой супруг не желает дома, с домами много проблем, лучше уж квартиру...

– Как тебя зовут? – Я перехватила руку девочки.

– Простите, госпожа?

– Болезнь, – я вымученно улыбнулась, – забрала мою память...

Глаза девочки расширились.

– Не всю. Я помню себя. Я знаю, где нахожусь... но я забыла твое имя.

– Его не было, госпожа. – Она опустила взгляд. – Простите... я не заслужила еще.

Я кивнула, задумавшись, вернее, обратившись к той, чужой памяти. Но она молчала... вот про кадку эту сказать могла – ее принесла в дом отца матушка вместе с узкими подушками и тремя покрывалами, расшитыми серебряной нитью. Еще за нею дали три сундука, повозку с лошадью вместе и десять золотых лепестков. Но мой отец взял бы ее даже в простом пеньковом юкато... Так он говорил.

– А какое имя ты бы хотела получить?

Пальчики на моем затылке задрожали. Кажется, я вновь сказала что-то не то.

– Придумай, как мне тебя называть. – Я постаралась, чтобы голос мой звучал ровно.

Июко умела притворяться, и надеюсь, ее умение не исчезло вместе с нею.

– Да, госпожа...

Мне помогли выбраться из ванны.

Растерли жесткими полотенцами. Смазали кожу ароматными маслами, отчего та сразу заблестела... А я не так уж и смугла, как показалось. Подали одежду: широкие штаны

из тонкой ткани, халат и невообразимо длинный пояс, который девочка ловко обернула вокруг моей талии, соорудив за спиной огромный пышный узел.

– Расскажи, – я вновь нарушила молчание.

– О чем, госпожа?

– О том, что происходило в доме, когда я... заболела. – Я коснулась языком зубов. Мое лекарство имело четкий кислотатый привкус, избавиться от которого не помогали жесткие зубные палочки.

Девочка молчала.

Она ловко разбирала влажные волосы, расчесывая их гребнем, и мне было даже немного неловко отвлекать ее от этой, несомненно, важной работы.

Июко всегда гордилась волосами. Длинные и тяжелые, благородного черного цвета, они позволяли соорудить самую сложную прическу. А еще их удобно было наматывать на кулак...

Я поморщилась: чужая память здорово мешала.

– Все благополучно, госпожа... – шепотом произнесла девочка. – Все рады вашему выздоровлению... и благодарят богов за милость...

Большого я не добьюсь.

Что ж...

Глава 5

Память. Моя-чужая, ныне податливая, как мягкий тофу. Попробуем воспользоваться ею...

Иоко заплатила глашатаю на рыночной площади. И тот трижды в день выкрикивал ее приглашение.

Первой привезли Мацухито.

Она плакала.

Она и без того была некрасива – чересчур высокая, плечистая и лишенная толики изящества, а слезы и вовсе сделали ее уродливой. Они проложили дорожки в рисовой пудре, размыли краску на губах, сделав их огромными.

Неровно нарисованные брови.

Зачерненные зубы.

Семья Мацухито чтит традиции.

– Ее муж умер, – сказал невысокий воин в черном облачении. На спине его кимоно виднелся герб Наместника. А на рукавах – две звериные морды. И Иоко поклонилась, приветствуя гостя столь важного. – Она не сумела родить ребенка, поэтому ее вернули.

Мацухито неловко сползла с возка, и плечи ее вздрагивали от рыданий.

– Она много ест. Много говорит. Много плачет. А работает мало. Мои жены ею недовольны.

Мацухито всхлипнула.

– Ей поручили смотреть за детьми. Она уснула. Мой сын едва не утонул. Я поколотил ее, но она вновь уснула... и в колыбель моей дочери заползла змея. Она неряшлива. Бес-толкова. И у меня не получится найти ей другого мужа.

Он выгнал бы сестру, если бы не боялся гнева предков.

Нет, он не сказал ничего такого, но Иоко научилась читать молчание.

– Здесь пятнадцать золотых лепестков, – сказал он, протянув узкую шкатулку. – Этого хватит? У нее есть два кимоно и три красивых пояса...

Мацухито оказалась молчаливой и слезливой. Плакала она и днями, и ночами, изрядно раздражая Иоко этой своей привычкой.

Может, поэтому разговора не вышло?

Кээд привез отец. Он вел серого ослика, на спине которого боком, как и положено невесте хорошего рода, восседала Кээд. Рядом ступал слуга с бумажным зонтом, чье желтое лицо было сморщено, как печеное яблоко. Казалось, он вот-вот разрыдается.

А Кээд была спокойна.

Она смотрела прямо перед собой и улыбалась.

Мила.

Кротка.

Воспитана, как и подобает хорошей невесте. Длинные рукава ее фуригодэ почти достигали крошечных ножек.

Ее бабушка, помнившая свои корни, некогда замотала их

бинтами. И теперь стопы Кээд были столь малы, что ходила она с трудом, а каждый шаг причинял муку. Но она улыбалась.

Всегда улыбалась.

Когда слуга обмахивал веером ее лицо.

Или когда отец, раскрыв шкатулку, торговался, то и дело размахивая руками, отчего делался похожим на старого облезлого петуха. И, глядя на безмятежную эту улыбку, Иоко не уступала. Она кланялась. Соглашалась с доводами любезного Нануки, уважаемого купца, который плакал, расставаясь с любимейшей дочерью, но не уступала ни медяшки... а заодно уж вытягивала еще одну простую историю.

Кээд появилась на свет в первом браке, который Нануки-купец заключил, будучи совсем еще юным и не слишком богатым в отличие от родителей невесты. Они дали хорошее приданое.

Очень хорошее.

И видят боги, эти деньги Нануки сохранил и приумножил. А его супруга, толстая и ленивая, обладавшая грубым голосом и на редкость дурным нравом, ни в чем не знала отказа. Смерть ее в родах – лишь милость богов, освободивших Нануки от тяжелого груза...

Нет, то были вторые роды...

Первыми она произвела на свет Кээд, крохотную девочку, которая тогда казалась воплощением всех возможных достоинств. К сожалению, сам Нануки не мог заниматься воспи-

танием дочери, дела его торговые требовали внимания, да и где это видано, чтобы мужчина тратил свое время.

Сорок пять лепестков, госпожа.

Кээд тиха и неприхотлива. Она не доставит проблем...

Ее растила мать жены, а уж у нее имелась мечта – сделать внучку наложницей Императора, и, быть может, не только наложницей... У Нануки теперь много денег, но это все одно не значит, что он готов их бросать на ветер. Сорок шесть цехинов?

Она и удумала эту глупость с бинтованием ног.

И что вышло?

Теща в прошлом году померла, примите боги душу ее смятенную... страшная женщина была, по правде, будто родич самого Сусаноо¹¹! Ей и супруг-то, когда жив был, не смел слова поперек сказать, что уж говорить о Нануки... вот и учила девочку всяким глупостям... на шелке рисовать... те-мари¹²... слышали, госпожа? Кумихино¹³... или вот еще кинусайга¹⁴... конечно, картины у нее получаются изрядные, но сколько уходит на шелка...

Не о том речь.

Теща-то померла, а Кээд осталась.

¹¹ Бог грозы в синтоистской мифологии.

¹² Искусство расшивать шелком шары.

¹³ Традиционное искусство плетения шнурков.

¹⁴ Искусство, объединившее в себе несколько техник: вышивки, резьбы и прочего.

Нануки вновь женился. Он бы и раньше, да опасался... жену взял простую... он-то пусть и хорош в своем деле, а знает, где боги жить судили. Его Кокори тихая и скромная, родила ему сына, а потом и дочь. Она и Кээд приняла бы, как родную, если б та не была высокомерна...

Сорок семь цехинов золотых, госпожа... и в год еще пять... она шелками шить умеет, главное – построже с нею... картины ладные выходят, за одну прошлым разом целых три монеты он выручил.

При этих словах губы Кээд кривятся.

Это гримаса презрения?

Боли?

В остальном она делает вид, будто вовсе не слышит этого разговора, для нее унижительного.

Он честно пытался найти ей мужа. Но кому из знакомых его нужна жена, не способная до рынка дойти или в доме прибраться? Для уборки она слишком хороша.

А еще лицо.

Взгляните на ее лицо... за рисовой пудрой не видно, но...

Его знакомые – люди простые, и тратиться на рисовую пудру, чтобы этакое уродство скрыть... нет уж, госпожа... забирайте и без торговли... никто не скажет, что Нануки бросил свою старшую дочь. Да только вот и в доме ее оставить не может. Будь она норовом поспокойней, он бы, конечно, еще подумал, а так... то глянет так, что у самого сердце обмирает, то слово бросит будто невзначай, словно в самую

душу плюнет...

Что до брака ее, то сваха запросила двадцать лепестков, а жених, стало быть, вдесятеро потребует, а то и еще больше. Откуда такие деньги у простого торговца? Разориться, чтобы потакать прихотям умершей тещи? Нет, если госпожа сумеет найти жениха, согласного, скажем, на сорок лепестков, то Нануки заплатит их, а если нет, то пусть на то будет воля богов.

Она и вправду оказалась тихой и редко покидала свою комнату, пусть Июко и приказала натянуть по дому веревки, да все одно каждый шаг для ножек, обутых в шелковые башмачки, давался с трудом.

Третья пришла сама.

Ее кимоно, пошитое из темно-синего шелка, украшенное колесами и черепахами, явно знавало лучшие времена. А сама она была крупна, сердита, и набеленное лицо с пятнами рисованных бровей казалось маской, и отнюдь не прекрасной.

– У меня осталось тридцать пять лепестков, – сказала она, вытащив из рукава шелковый сверток. – Их пока не отобрали... возьми меня, я крепка, я умею работать.

Ее звали Шину, достойная.

Она и вправду была достойной дочерью достойных родителей. Она родилась в маленьком рыбацком поселке и с юных лет помогала родителям.

Вышла замуж.

Родила двоих сыновей. И не ее вина, что боги оборвали нити их жизней во младенчестве. Она искренне горевала, но не позволяя горю вовсе ослепить себя.

Муж ее много работал, а она во всем была опорой ему, как и положено доброй жене. Он ушел подлунною дорогой в почтенном возрасте семидесяти семи лет.

Да, так уж вышло... и Шина была не первой его женой.

Она схоронила супруга и сделала это так, что никто из соседей не упрекнул бы ее в скупости.

А спустя неделю появились его сыновья.

Они и прежде наведывались. Редко. И всякий раз случались ссоры, ибо были сыновья вовсе не такими, какими желал их видеть старый Мицу. Ссоры эти печалили Шину, но разве смела она давать мужу советы? И ныне приняла па-сынков, как и полагается, приветливо. Да и дело ли... ей ли лавку держать?

Где это видано, чтобы женщина сама дела вела?

Нет, она многое знала.

Многое умела.

Но это неправильно.

– Сперва эти паскудники вели себя тихо. – Шину сидела на циновке, подогнувши ноги, и пила чай неспешно. Движения ее были плавны, и пусть не обучена она была тонкостям чайной церемонии, как и вовсе застольному этикету, держалась она легко и непринужденно. – А после началось... сперва пропали деньги, которыми надо было за товар рассчитать-

ся, и сам товар... и вещи... или вот еще...

Она говорила неспешно, и в низком урчащем голосе ее Иоко не могла уловить и тени обиды.

Просто история.

Одна из тех, о которых интересно слушать, когда случаются они не с тобой.

– Фарфор ушел... старшенький-то опиумом балуется... а второй – играет, все мнит удачу найти... и все спускает... я пыталась говорить, так этот, простите боги, заморыш взял-ся меня плеткой учить. Я и прошлась по плечам его... жаловаться побежал. Благо стража меня знает, так он и на них... и выходит... нехорошо выходит.

Нет у нее прав на наследство.

Иоко жаль эту некрасивую и не слишком молодую женщину, которая казалась удивленной, будто не понимала, как подобное вообще произошло с нею, воистину достойной дочерью своих родителей.

– Я и подумала, что пусть их... боги-то видят, как оно... взяла, что мое по праву...

Жар.

Пар поднимается над бочкой.

И я в теле Иоко вздыхаю, а девочка льет на плечи горячую воду. Она расчесывает волосы, нанеся на гребень твердое масло. И гребень скользит по черным прядям.

У меня никогда не было длинных волос.

Даже в детстве.

И мама, и тетки пребывали в какой-то непонятной уверенности, что волосы сделают меня обыкновенной. У всех ведь косы, а у меня – стрижка. К стрижке я привыкла.

Юкико.

Дитя снега.

И вправду дитя, которой едва исполнилось шестнадцать.

Ее привезла мать, женщина, чье белое лицо, искаженное гневом, походило на маску театра обо. Черные пятна бровей. Черные зубы. Черные волосы. И аккуратный красный кружок губ. Голос ее, шипящий и низкий, принес в дом Иоко скрытую ярость.

– Эта девка все испортила!

Следовало признать, что госпожа Мисаки имела все причины гневаться.

Она происходила из хорошей семьи.

Из знатной.

Из очень знатной семьи, которая попала в непростые обстоятельства, а потому и вынуждена была связать себя узами крови с простыми купцами. Конечно, супруг госпожи Мисаки никогда не забывал, сколь повезло ему получить в жены настоящую деву-вишню, и всячески доказывал свою любовь.

От нее и родились три дочери.

И сын.

Но сына госпожа Мисаки отдала отцу, пусть принимает дело, а вот дочери... на них она возлагала особые надежды. Она растила дочерей сама, с юных лет вкладывая в головы

правильные мысли. Старшие были благодарны матери за заботу.

Ойко вышла замуж за десятника императорской гвардии и уехала в столицу.

Она прислала матери два свитка алого шелка и еще удивительной красоты камня, из которых золотых дел мастер сделал ожерелье. И не нашлось на их улице, а живут они в чудесном месте, никого, у кого было бы более красивое ожерелье...

Средняя, Чо, стала супругой младшего судьи.

Хороший мальчик.

Его отец служит при дворе Наместника, и всем понятно, что сыновья его сделают карьеру...

А вот Юкико...

Отец ее испортил своими разговорами о любви, и госпожа Мисаки, верно, размякла, если позволила этим разговорам быть в ее жизни. И к чему все привело?

Нет, сперва ей понравился этот молодой человек, который зачастил в их дом.

По обхождению его, по манерам, по одежде видно было, что он вовсе не так уж прост, каковым хотел казаться. После госпожа Мисаки выяснила, что этот негодяй и вправду происходил из весьма знатного рода, что пробудило в душе ее особые надежды.

Дочь могла войти в этот род, если бы была умнее.

Если бы вела себя сдержанней.

Если бы...

Да, госпожа Мисаки не сочла нужным вмешиваться в отношения... и любовь? Пускай себе, если это любовь к достойному человеку... но что Юкико подарила ему не только поцелуй, выяснилось, когда негодяйку стало мутить по утрам.

Она беременна.

И понятно, почему господин... имя? Разве это важно? Важно, что он отказался брать в жены развратную девку, и это его право. А Юкико – позор рода, от которого госпожа Мисаки желает избавиться, но, само собой, приличным образом.

Она готова даже понести некоторые расходы.

Десять цехинов.

Этого мало? Но ведь Наместник платит из казны за содержание женщин, а Юкико ест мало... и работать сможет быстро, если ребенка убрать.

Куда?

Об этом не госпоже Мисаки думать.

Она вовсе желает забыть о неудачной своей дочери. Муж? Муж изволил несвоевременно отбыть в Цихун, откуда вернется разве что к зиме. Он не будет против. Он понимает, сколь важно для госпожи Мисаки доброе имя...

Юкико была тихой.

И вправду, дитя снега. Ее кожа была бела и без рисовой пудры. Круглое личико с еще детскими чертами и застыв-

шим в глазах удивлением, будто она так и не поверила до конца, что все это случилось с нею.

Ее мутило по утрам.

И днем тоже.

И порой она вовсе не вставала с постели, то ли от дурноты, с которой не умела справиться, то ли от другой, внутренней боли. И Йоко ничего не могла поделать.

Она сама готовила травяной отвар из коры ивы и корней валерианы, добавляла щепоть ромашкового цвета и толику слов, услышанных от старой няньки. Она приносила отвар в комнатку Юкико и, опустившись на циновки, разливала его по чашкам.

Не церемония.

Она раскладывала рисовые колобки и полупрозрачные куски желе из водорослей, но Юкико почти не прикасалась к пище. Она и вправду считала себя виноватой.

Сложно придется.

Одна я бы выжила.

Наверное.

Я ведь привыкла быть одной в том, в своем мире, а здесь... мне придется иметь дело с женщинами, которым нужна профессиональная помощь. А что я знаю о психологии?

Всегда считала ее глупостью.

Араши...

Вот уж действительно дитя бури. Здесь, кажется, умеют давать правильные имена. Или наоборот? Имя определяет

судьбу...

Ее привела тетка.

Крупная женщина с набеленным лицом, с зонтиком, который она держала крепко, будто опасаясь, что его украдут. Хотела бы я взглянуть на безумца, рискнувшего связаться с госпожой Рани.

– Вот, – второй рукой она держалась за узкое плечико юноши, – заберите ее. Я заплачу столько, сколько скажете...

Юноша оказался девушкой.

Она была единственной дочерью брата госпожи Рани. Славный воин, известный мастер меча, к которому ученики приходили со всех Островов, он совершил в жизни одну ошибку: женился на слабой женщине. Почему слабой? А сильная не умерла бы в родах, оставив мужа наедине с младенцем.

И ладно бы сына подарила, о котором мастер Сан мечтал.
Дочь.

Ему бы кормилицу нанять, а после отослать дитя госпоже Рани, чтобы воспитала она, как воспитывала четверых собственных дочерей. Но нет... кормилицу-то он нанял, а после стал учить дочь тому, чему девушек не учат.

Где это видано, чтобы девка оружие в руках держала?

Ну, кроме мухобойки...

Она говорила, наливаясь красным гневом, выплескивая свое праведное, как ей казалось, возмущение. Араши слушала.

Пританцовывала.

И поглядывала на Йоко сквозь длинную челку.

Она была... не такой.

Совсем не такой.

И первым порывом Йоко было отказать от дома этой странной девушке, которая вовсе не выглядела ни обиженной, ни растерянной, ни нуждающейся в защите. Обряженная в штаны-хакама из черного хлопка и в черную же рубаху длиной до середины бедра, она, казалось, не испытывала ни малейшего смущения.

Отец учил ее на совесть.

И возможно, знал, для чего делает это, да только сказать не успел. Однажды ночью душа его покинула тело, и Араши осталась одна.

Дети не могут жить одни.

И госпоже Рани пришлось взвалить на себя заботу о сироте, чему сирота совсем не обрадовалась. Она оказалась нагла, дурно воспитана и строптива. Она не желала работать на поле и не умела работать в доме... она перечила всем и во всем...

– А потом она заявила, что сама себе выберет жениха. Ха! – Тетушка хлопнула себя по бедрам, и бамбуковая рукоять зонта опасно затрещала. – Я хотела ее побить палками...
...но терпение Араши закончилось.

Она сломала палки.

И побила горшки. И сказала, что если ее так называемый

жених дерзнет заглянуть в дом, то ему же будет хуже...

– Сколько вы хотите? – Тетушка выдохлась.

Араши смиренно застыла, только темные, что дикая вишня, глаза ее лукаво поблескивали. И губы дрожали, и вряд ли от сдерживаемых слез.

– Пятьдесят лепестков. – Иоко решилась.

Кто она, чтобы отказывать от дома девочке, которая еще не понимает, насколько жесток этот мир.

– Просите больше, – голос Араши оказался звонок. – Отец оставил три сотни... и еще нефритовых статуэток...

– Лжешь, маленькая дрянь! – взвизгнула госпожа Рани.

– Их она успела припрятать, как и шелк, из которого мне фуригодэ шить должны были... плевать на шелк. А вот отцовские клинки пусть вернет. Они мои по праву.

– Да пусть у тебя язык отсохнет...

Госпожа Рани хватала воздух губами, сделавшись похожей на большую рыбину.

– Сделайте так, как говорит девушка. – Иоко не умела спорить, но, странное дело, близость Араши будто придала ей сил. – И уходите с миром... она больше не побеспокоит вас.

Клинки доставил слуга.

И с ними – сверток темно-лилового шелка, расшитого серебряными лилиями. Ткань была чудесной... и испорченной.

– Да уж... – Араши сунула палец в дырку. – Теперь только на тряпки... жадная она и безголовая... а вы тоже меня учить

станете?

– А есть чему? – Тогда, кажется, Йоко впервые за долгое время улыбнулась.

Глава 6

Мы встретились тем же вечером.

Наверное, я могла бы еще несколько дней притворяться больной, и никто из них не посмел бы потревожить покой госпожи, но... моя натура была против.

А потому...

Наряд из шелкового платья с длинными рукавами.

Широкие красные штаны.

Скользкий пояс змеей обвивается вокруг талии. И девочка, встав на табуретку, расчесывает волосы. Она ловка и спокойна, будто не происходит ничего необычного. А может, и вправду не происходит? И я себе придумываю... но откуда это щемящее неприятное ощущение в груди?

Тревога.

И страх.

И кажется, у нас с Иоко дрожат руки, а это нехорошо. Хорошо, что эти руки можно спрятать в широких рукавах кимоно. Прохладный шелк ластится к коже, но отсутствие нижнего белья несколько смущает.

Привыкну.

Я отказываюсь от рисовой пудры.

И от краски.

И от черного лака, которым полагается покрывать зубы. Впрочем, что-то подсказывает, что и Иоко избегала этой

процедуры. К счастью, боги наградили ее достаточно крепкими зубами, чтобы не нуждаться в огахуро¹⁵.

– Просто косу, – сказала я, когда девочка попыталась соорудить из моих волос корону.

Вдове не пристало... а мне не хочется.

Она кивнула.

И справилась быстро. Протянула руку, помогая подняться. Деревянные сандали были по-своему удобны, если к ним привыкнуть.

Маленькие шажочки. Иллюзия медлительности.

А я привыкла ходить широко.

Раньше.

Узкое платье мешает, и я спотыкаюсь, но тело само знает, что делать, и мне нужно лишь позволить ему идти.

Сумерки.

И комната с низким длинным столом. Циновки.

Бумажные фонарики, в которых спрятаны светящиеся камни. Это проявление магии больше не смущает меня. Действительно, если я жива и в чужом теле, то стоит ли удивляться такой мелочи, как светящиеся камни?

Женщины.

Они поклонились и сели, каждая на свою циновку.

– Добрый вечер.

Алое кимоно и набеленное лицо. Всклип.

¹⁵ Традиция чернения зубов, в основе имевшая сугубо практическое значение. Покрытые смесью окислов железа и ягод суммаха зубы меньше портились.

Хмурый взгляд, которого Мацухито была удостоена от Кэед.

Юкико жметя в тень.

И кажется, готова исчезнуть, стоит на ней задержаться взгляду. Ее положение ныне уже заметно, и сатин простенького платья обрисовывает животик.

Араши вновь в мужском наряде. Хорошо хоть ножи свои за стол не потащила.

А Шину молчалива.

Задумчива.

Она старше прочих и понимает что-то... что-то важное, ускользнувшее от меня с памятью Иоко. И это обидно. Мне доступно все прошлое моей предшественницы, кроме того последнего месяца, в котором она заболела.

Подали еду.

Вареная рыба на деревянном подносе и рис, который получился не слишком удачным. Значит, кухарила Араши, она всегда готовила рыбу с рисом, только рис или недоваривала, или, напротив, переваривала до клейкой тягучей массы.

Острый зеленый соус.

Маринованный имбирь и что-то еще, что Иоко помнила как ауро и, кажется, любила это. Я же разглядывала полупрозрачную желтую массу и гадала, стоит ли рисковать, пробуя это.

Ели молча.

Аккуратно орудовали палочками, однако по-разному.

Араши почти не жевала, она глотала жадно, будто все еще спешила куда-то. А вот Юкико брала маленькие кусочки и так осторожно, будто опасалась, что возьми она больше положенного, и ее прогонят от стола. Кэед была безупречна в манерах. И потому сложно было понять, любит она рыбу и рис или же терпеть не может.

Мацухито вздыхала над каждым кусочком.

Шину просто ела.

Она старательно двигала челюстями, но задумчивый взгляд ее был обращен в стол.

Тревога шевельнулась.

Что-то такое... нехорошее случилось. Или должно было случиться? Заговорить?

Я решилась, когда девочка подала чай и Кэед, решительно отстранив служанку, сама присела к круглому заварочному чайнику. Она колдовала, что-то разливая и смешивая, и выглядела почти живой.

Почти счастливой.

– Спасибо. – Я приняла в ладони чашку. – Я... много думала в последние дни.

Чай пах жасмином.

– Боги послали болезнь испытанием духа... и тела... – говорить с ними все равно что со стеной. Слушать слушают, а пойдти пойми, что творится в головах их.

И почему мне это так важно?

– Чего вы хотите?

Моя заготовленная речь рассыпалась. Я вдруг поняла, что им все эти слова неинтересны.

Они не верят словам.

А чему верят?

– Простите? – подала голос Кэед. Она сидела на корточках, и спина ее была пряма.

И она не стала наряжаться к обеду. Бледную кожу ее покрывали веснушки. Рыжие. Яркие. Они были и на носу, и на лбу, и, кажется, на руках тоже.

– Чего вы хотите? – повторила я вопрос, который когда-то задавала сотрудникам.

Правдивые ответы, к слову, получала крайне редко. Но тогда они меня не слишком-то интересовали.

– Сейчас? – уточнила Кэед.

– Вообще. От жизни.

– А разве нам позволено иметь желания? – Легкий наклон головы, который выражает и недоумение, и насмешку. Разве пресветлая госпожа Йоко не понимает, что женщинам, собравшимся под крышей ее дома, желать нечего?

– Любому человеку, если он жив, позволено иметь желания.

Неделя.

Ровно неделя прошла с того ужина, на который я возлагала немалые надежды, только они не оправдались. И теперь мне самой было смешно.

И вправду, на что я рассчитывала?

Правдивые ответы?

Откровения?

Слезы? Признания?

Объятия?

Заверения в любви и верности... глупость какая... эти женщины разучились верить кому бы то ни было. Да и я... что я могла им предложить?

Только старый дом, нуждавшийся в заботе. И иллюзию покоя.

Почему иллюзию?

Потому что шкатулка, в которой Иоко хранила немногие свои сбережения – справедливости ради стоит сказать, что не только свои, – была почти пуста. Пара золотых лепестков, скромная кучка серебра и вязанка медных монет.

Вот для чего, стало быть, дырочки в них.

Удобно.

Я села и попыталась вспомнить, куда ушли деньги.

Ничего.

Молчание и... ощущение вины? Их не украли, это я знала точно. Быть может, Иоко перепрятала монеты? Но куда? Я сдавила голову руками, с трудом удерживаясь, чтобы не удариться лбом о низкий столик. Столик был красив – полированное дерево и мозаика из разноцветных камней. Тонкая работа.

Дорогой?

Иоко не знала.

Женщины не должны считать деньги, для этого есть мужчины.

Мужчин поблизости не наблюдалось, равно как и свитков, в которых велись бы расходы, и вообще хотя бы бледного подобия учетной книги.

Не было ее.

Женщины не должны...

Ясно.

Денег нет, и куда подевались, выяснить вряд ли получится. В первую декаду месяца мне должны выдать содержание, но его хватит лишь на необходимое, а скоро зима и... зимой холодно.

Это Иоко знала. Даже в том прошлом ее доме, который считался богатым, зимой было прохладно, хотя каждый день разжигали очаг и застилали пол меховыми коврами. Здесь же...

Надо что-то делать.

Сперва разобраться со счетами и ценами, но сама я буду долго возиться, а вот если попросить о помощи...

– Госпожа? – Шину откровенно удивилась. – Простите, госпожа, но вы уверены? Вы и вправду хотите, чтоб я...

– Вы же работали в лавке мужа? Вели его дела, помогали во всем? – Я наклонила голову, хотя и без того Шину была много выше Иоко.

Она кивнула и нахмурилась.

А ведь и она далеко не стара... слегка за тридцать. Лицо круглое. Кожа смуглая, но гладкая, без изъянов. В уголках глаз появились первые морщины, а в волосах – седина, но легкая, несерьезная...

Широкие плечи.

Крепкие руки.

Слишком крупная. Слишком грубая, чтобы считаться красивой, во всяком случае, по меркам этого мира. Мой был куда менее строг...

– Моя болезнь...

– Болезнь? – Шину фыркнула. – Конечно, болезнь...

– Разве нет? Я плохо помню, что было... раньше.

– А то... икшари-корень памяти лишает... его иные используют... по-всякому. – Она пожевала губами и сказала: – Вот что, госпожа Иоко, чем могу, помогу. Мой дом ныне здесь, и иного уже не будет. Да что я умею? Лавку вот держать...

Что за корень?

Я слышала... нет, не я, но Иоко... серый корень, который добывали в болотах, а после сушили и, перетертый, мешали с маковым молочком, получая зелье забвения.

Сладкое.

И горькое.

Оно даровало чудесные сны, но стоило взять больше дозволенного, и сны эти становились кошмарами... ее супруг, помнится, в одну ночь страшно кричал, и бегал по дому, и

прятался, уверяя, будто бы демоны-они¹⁶ пришли за ним... Он описывал их, огромных, вооруженных палицами-канабо, столь ярко, что Иоко почти поверила и понадеялась, что они заберут ее супруга.

Не сбылось.

Больше к корню он не прикасался, и Иоко не стала бы. Сама бы не стала... она видела, что зелья делают с разумом человека, тогда как...

Узнаю.

Время и терпение. Терпение и время... а пока – дом.

И кухня, где отыскался мешок белого риса, который Шину пересыпала с ладони в ладонь, пробовала круглые зерна на зуб и хмурилась.

– Дрянной подсунули...

Масло прогоркло.

Листы сушеных водорослей тоже оказались не лучшего качества. Да и вовсе на кухне огромной, способной прокормить всех обитателей некогда большого дома, ныне было поразительно пусто, как и в самом доме.

С полдюжины ваз, две из которых Шину отставила в сторону, причем выбрала не самые красивые.

– За эту с полсотни лепестков выручить можно, – она вручила пузатую темную вазу Иоко. – А та – и сотню потянет. Старая... только без меня не ходите, я вас к нужному чело-

¹⁶ Большие клыкастые человекоподобные существа, живущие по ту сторону мира. Сильны. Трудноубиваемы. Любят человеческое мясо.

веку сведу...

Нашлись и забытые некогда ширмы, одна с дырами, а пятток вполне приличного вида. У драной Шину ходила долго, то приседала, то поднималась.

Вздыхала.

Трогала потускневшие крылья алого дракона.

– Может, гордячка наша и сумеет починить, – вынесла она вердикт. – А за такую больше полусотни не дадут...

– А если починит?

– Тут уж глядеть надо, как починит... подберет нити в тон, залатает дыры, то и с пятьсот просить можно... это ж работа Ичиро, я такую только один раз видела. Не сомневайтесь, госпожа, у меня глаз хороший... меня супруг мой покойный, да будут боги милостивы к душе его, всегда к старьевщику брал...

– А чем вы торговали?

Красный дракон распростерся над морем. Гора. И деревушка на горе. И одинокая сосна, вытянувшая ветви над морем... и вправду сложный рисунок, который местами поблек, а порой и вовсе стерся.

– Сперва-то рыбную лавку держали, – призналась Шина. – А после-то... море всякое приносило. То вазы, то фигуры всякие... он у меня разбирался и меня учил...

Подпольный антиквар?

Что ж, если так, то мне несказанно повезло.

В этом я вскоре убедилась: помимо предметов старины,

которых, к удивлению моему, в доме обнаружилось немалое количество, она разбиралась и в вещах сугубо бытовых.

Цены на рис. Масло. Ткани и нитки. Где покупать стоит и надо ли торговаться, кто дает честную цену, а кто рис, перед тем как на весы кинуть, у воды держит... Тысяча и одна мелочь, которые самой Шине казались вполне обыденными, а нам были жизненно важны.

Иоко обманывали. Бесстыдно и не испытывая, полагаю, ни малейших угрызений совести, поскольку, одинокая, отвергнутая обоими родами, она априори являлась изгоем, как и те, кому случилось попасть под крышу ее дома.

Ничего. Все изменится. Я, быть может, не умею находить общий язык с людьми, но деньги... деньги – дело иное... и вот на седьмой день мы с Шину и Араши, которая изъявила желание выбраться за ограду, покинули дом. Серебра, по уверениям Шину, должно было хватить, чтобы закупить самое необходимое из продуктов. А заодно уж пройтись по торговым рядам...

Город...

Иоко почти не видела его, ибо женщине благородного рода – да-да, именно – не пристало разгуливать по городу. Женщины благородного рода благородно восседают на шелковых коврах, занимаясь делами важными и пустыми.

Вышивкой вот, каллиграфией. Или резьбой по сухим косточкам абрикосов, некоторые, правда, предпочитали вишню, но это, как говорится, дело вкуса.

А если вдруг возникала нужда покинуть дом, то женщину благородного рода несли на паланкине или на худой конец она восседала на спине мула, стыдливо прикрывая лицо бумажным зонтиком. Еще допустим был вариант, когда ее, бедняжку, усаживали в тележку рикши, но тогда помимо зонтика требовалась бумажная маска, дабы нечестивый взглядом своим случайным не оскорбил...

Июко в городе бывала несколько раз за всю жизнь свою, и память ее сохранила смутное ощущение беспокойства. Недовольства.

Ей было неуютно вне бумажного кокона стен. И чувство это заставляло спешить, подавляя и то слабое любопытство, которое было свойственно ее натуре.

Я другая.

Я отказалась от повозки, чем удивила Шину, еще не потерявшую самую способность удивляться, и заслужила одобрителный хмык Араши. Она, в темном костюме явно мужского кроя, гляделась, к слову, весьма гармонично. И рукоять меча вполне вписывалась в образ. Ножи Араши тоже прихватила, хотя и скрыты они были в широких рукавах рубахи.

– Бесстыжая, – со вздохом произнесла Шину.

– Зато свободная...

Я ничего не сказала.

Я долго выбирала наряд для этого выхода. Не слишком роскошный, хотя таковых у меня имелось лишь одно платье, из бледно-лилового шелка, расшитого серебряной ни-

тью. Стебли тростника и крохотные птички, скрытые в них. За это кимоно я могла бы выручить не менее пятидесяти золотых лепестков, но... его Иоко подарил отец, еще когда был жив.

Я выбрала темно-синее, почти лишенное украшений. Простенький выюнок по подолу был мил, но не более того. Отказалась от прически и рисовой пудры. От помады – ни к чему мне она. А вот зонт пришлось взять, ибо не пристало...

Слишком много здесь всего, что не пристало мне делать.

Город встретил тишиной.

Узкая улочка.

Высокие заборы, будто люди, здесь жившие, норовили отгородиться друг от друга. За каждым – Иоко это знала – скрывался собственный тайный мирок. Деревянные сандалии глухо цокали. Ни дать ни взять – копытца...

– Госпожа, на рынке держитесь меня, – Шину повторила это в десятый раз. – Там много всяких людей, госпожа...

Деньги я отдала ей, и Шину, обернув их куском белой материи, сунула куда-то в складки кимоно. На ней было светло-зеленое, не слишком удачного оттенка, который придавал смуглой коже Шину желтоватый болезненный цвет. Волосы она, к слову, тоже заплела в косу, да и пудриться не стала.

Тишина.

И дорога.

Солнце припекающее, хотя до полудня оставалось еще прилично. Я хотела выйти раньше, но Шину сказала, что на

рассвете продукты дороже всего, а ближе к полудню цену изрядно скидывают. Конечно, и бедняков больше, и всякого сброда, но нам ныне не выбирать.

Заборы закончились, сменившись невысокими оградами, над которыми возвышались красные крыши весьма характерного вида. Загнутые края, будто дома примерили одинаковые нарядные шляпы.

Колокольчики.

Каменные фигуры демонов...

И редкие люди, которые старательно не обращали на нас внимания. Я же не стеснялась разглядывать все. Хотелось потрогать щербатого льва или вот это изогнутое причудливым образом дерево и просто подойти к девушке в сером простом платье, что, встав на колени, возилась в саду...

Мы свернули вновь.

И дома стали меньше. Ниже. Улица – уже и грязней.

Рынок встретил нас характерной вонью разлагающейся рыбы. Кучи ее лежали прямо на земле, и неопрятного вида женщины дремали над ними. Роились мухи. И женщины, время от времени пробуждаясь ото сна, брали в руки опахала на длинном древке.

Я зажала нос пальцами.

– Может, стоит вернуться? – заботливо осведомилась Шину. – Я одна могу... все одно ж ничего не поймете.

Я покачала головой и решительно ступила на узкую дорожку меж рыбными рядами.

Рыба соленая в бочках и сушеная, подвешенная на длинные жерди. Раковины, которые разламывали прямо здесь и, сбрызнув соленой водой, предлагали покупателю. Многие брали, глотали нежное мясо и шли дальше...

Гул.

Трубный рев осла.

Ругань. Визги. Квохтание кур, которых держали в плетеных корзинах. Шипели гуси, тянули шеи, норовя ухватить покупателей красными клювами.

Ползали крабы, не желавшие смиренно ждать своей участи.

Дымилась свежая печень, и две старухи самозабвенно ругались над куском вырезки. Обе были одеты богато, но за плечами их виднелись огромные корзины.

– Это домоправительницы, – пояснила Шину. – Из тех, которые опытные. Знают, как сберечь хозяйские деньги...

Помолчав, она добавила:

– Но не всегда хозяин об этом знает. Слыхала, многие так верят слугам, что деньгам вовсе счет не ведут.

Это было ей непонятно. И мне странным казалось то, как сочетаются в ней две части этой натуры: безоговорочная вера в правоту обычаев, которые вовсе отказывали ей в праве на разум и самостоятельность, и удивительная практичность.

Мы шли мимо мясных рядов, где мяса почти и не осталось, а то, которое было, Шину сочла неоправданно дорогим. Мимо морских, где торговали не только рыбой, но и водо-

росями, что влажными, бледно-зеленого цвета, что сухими, сложенными в аккуратные стопки. Иные сворачивали, будто свитки, запихивая внутрь клочки лимонной травы. И Иоко знала, что от этого листья обретают особый вкус.

Дорого.

Были здесь и крупные мидии в бочках, и морские звезды, и прочие обитатели порой весьма удивительного вида. Соленые осминожки щупальца или мешочки с чернилами каракатицы.

Ракушки.

Обломки кораллов. Доски, вымоченные дочерна и с набитыми на них знаками, про которые Шину обмолвилась, что годятся они для корабельщиков, которые удачи ищут. И то надобно знать, с какого судна доска взята и кто знак чертил, а то только хуже будет.

Узкогорлые бутылки с маслом. И мешки риса, круглого и длинного, бурого, красного и зеленого. Изредка – белого, разложенного в махонькие полотняные мешочки. Этот стоил непомерно дорого, а потому был отвергнут Шину.

Нам сойдет и тот, который попроще.

Масло.

И мука, за которую приходится отсчитывать несколько серебряных монет, но это вполовину меньше, нежели запросили сразу. Шину умеет торговаться и любит, я вижу это по ней. Она просто-таки расцвела, оказавшись в своей стихии. Здесь, казалось, ей был известен каждый уголок. И согнутая

в полупоклоне спина ее распрямилась. Поднялся подбородок. А в глазах появился характерный азартный блеск.

– Да что ты говоришь? – Взмах руки, и широкий рукав скользит над мешочками с приправой. – Думаешь, если я женщина, то глупа и не способна отличить хороший корень имбиря от залежалого?

Она грозно хмурила брови и перебирала приправы. Что-то терла, что-то нюхала. Цокала языком и кивала, выслушивая уверения торговца, клявшегося, что травы у него наилучшие.

– Тьерингам это рассказывай, – фыркнула Шину и развернулась. – Альгасс морской взять еще можно, но не за полтора серебряных...

И торг начинался по кругу.

– А рыбу лучше у рыбаков брать. – Шину успевала и со мной делиться нажитой своею мудростью. – Я знаю честных людей, просят втрое меньше, чем эти перекупщики, а рыба всегда найсвежайшая...

Я кивала и смотрела, как уходят деньги. Я не сомневалась, что все это нужно – и рис, и мука, и масло, и иные вещи, порой совершенно незнакомые мне, вроде полупрозрачных полосок шкуры какого-то морского зверя. Их вымачивали в рассоле и, порезав на полупрозрачные нити, растирали.

А потом мешали с мукой...

Июко помнила вкус этих лепешек, острый, морской. И кажется, любила их.

Пускай.

Мы прошли мимо рядов с тканями, не остановившись, чтобы полюбоваться на шелка. Их ловко разворачивали, трясли и мяли. Заставляли взлетать, демонстрируя удивительнейшие оттенки и тонкое шитье.

А кружева не было.

Жаль, я не имею представления, как его плести, иначе могла бы заработать.

Наверное.

Роскошные пояса.

И целый короб украшений в волосы, которые ловкий паренек с куколом на голове, втыкал в парики, превращая их в произведения искусства.

Лавки с посудой и упряжью.

С деревянными сандалиями, некоторые – весьма чудовищного вида, такие деревянные колодки невероятной высоты. И разум Йоко подсказал, что это – окобо, обувь учениц майко, и мастер, удостоенный права делать их, гордится.

Не понимаю.

И пожалуй, слишком много не понимаю, чтобы не быть чужой.

Вещи.

Драгоценные вазы и шкатулки из малахита. Резные доски для игры в ши.

Меха.

Ковры из шелка, каждый – настоящее произведение ис-

кусства. И я замираю поневоле, зачарованная. Вот тигр в тростнике, и его полосы сливаются со стеблями тростника. Он, в зависимости от того, откуда смотреть, то скрыт, то явен...

Гора и одинокое дерево роняет розовые лепестки, словно оплакивая лодчонку с рыбаком.

– Тысяча золотых, господин, – голос этот заставляет меня очнуться.

Ковры красивы, но нам явно не по карману.

– ...и это себе в убыток, господин... вы же видите, тонкая работа... Ичиро, клянусь своими предками, господин... все мои ковры оттуда...

Шину хмыкнула. Скептически так.

– ...они неохотно продают ковры... вы только посмотрите, какой блеск... какая мягкость...

– А то, на каждый уходит несколько лет, а то и десятилетний, – проворчала Шину и, не стесняясь, пощупала край. – Но на Ичиро никогда не используют синюю нить. А еще серебряную... у них особый отвар для шелка, чтоб блестел, а тут – явно с серебряной нитью мешано, вот и выходит... им цена – пара сотен, не больше. Да и Ичирские ковры на рынок не носят. Их везут на дом к тем, у кого хватит денег купить...

Говорила она тихо и для меня, но была услышана.

Рябь прокатилась по шелковому морю, и дерево изогнулось, сыпанув горсть мелких лепестков, и две девы в пышных платьях искривились. Их уродливые для меня белые ли-

да превратились на мгновение в ужасные маски, но...

– Подите-ка сюда, любезный, – этот голос пророкотал откуда-то сверху, с помоста, на котором восседал торговец коврами.

На помосте этом остались смятые подушки и четырехугольная тарелка с сушеными кольцами кальмара. Высокий кувшин с водой. Босоножки-обо, расшитые серебряной нитью.

Тихо ахнула Араши.

И покачнулась Шину, позабывши про недавнюю свою уверенность. Пальцы ее вцепились в мою руку, сдавили, будто бы рука эта вдруг стала единственной ее опорой в нынешнем жестоком мире.

А из-за шелковых стен показался человек...

Человек ли?

Высокий, куда выше торговца, который шел следом, горбатаясь и явно стараясь казаться ниже. Набеленное лицо его кривилось, делаясь похожим на лица шелковых дев. Правда, помаду он не использовал, а вот брови нарисовал двумя черными точками. Темные волосы торговец зачесал гладко, скрутив на макушке гулькой, в которую воткнул две белые спицы.

Темное кимоно его было роскошно.

Куда роскошней простой одежды покупателя. Да, определенно высокий... метр восемьдесят? Или еще выше? Загорелый. И рыжеволосый. Волосы, главное, длинные, и он за-

плел их в косу, повесив для тяжести с полдюжины ракушек.

В черной куртке, наброшенной на плечи.

В темной рубаше и кожаных штанах, украшенных серебряными заклепками. Высокие сапоги. Пояс с теми же ракушками. И нож внушительных размеров.

Незнакомец был явно чужд этому месту.

– Женщина, – он дернул ухом, и я обратила внимание, что ухо это крупновато и чуть заострено, – я слышал твои слова. Повтори их ему.

Он говорил столь властно, что Шину подчинилась.

Правда, ныне ее голос звучал тихо и виновато. С каждым словом торговец мрачнел все больше.

– Глупая женщина! – не выдержал он, вскидывая руки. – Пусть боги поразят гнилой твой язык заразой, если ты смеешь так говорить, будто я лжец! Тамаши из рода Черного камня никогда не обманывал своих покупателей...

А вот этого Шину стерпеть уже не могла.

– Не тот ли Тамаши, – спросила она твердо, – про которого муж рассказывал, будто он продал сорок полотняных простынь как шелковые? А шелковые сгноил и, когда шелк пошел дырами, велел жене и дочерям дыры латать и...

– Замолчи! – взвизгнул торговец.

А рыжий, наблюдавший за сценой с явным интересом, хмыкнул.

– Или, может, это тот Тамаши, которого называют Злокозненным, поскольку ни одна проданная им вещь не стоит

своих денег... господин хоть и тьеринг, но не глуп. А потому пусть купит ковер, уплатив за него столько, сколько просит Тамаши, но при пятерых свидетелях. Затем же господину стоит отправиться с ковром и свидетелями ко двору Наместника. И если его исиго подтвердит, что ковер соткан на острове Ичиро, то я поздравлю господина с удачной сделкой.

Она приложила руки к груди.

– Болтливая курица! Я скажу твоему мужу, чтобы он побил тебя палками!

– Ее муж умер, идиот, – не выдержала Араши. – А если кого и бить, то тебя...

– погоди, девочка. – Рыжий выставил ладонь. – А ты, женщина, продолжай. Я не знаю ваших обычаев...

– Если исиго скажет, что ковер не с острова Ичиро и, стало быть, Тамаши обманул господина...

Шину старательно не смотрела на рыжего. Взгляд ее был устремлен под ноги, а пальцы на моей руке мелко подрагивали.

– ...то он будет должен отдать господину и ковер, и деньги, и еще столько же, сколько просил за обман...

Рыжий хмыкнул.

Тьеринг... что-то такое Иоко слышала о тьерингах... но, выходит, не так давно, если я не помню, что именно... в свитках говорилось...

На закате есть остров, населенный великанами с белой кожей. Глаза их выпуклы, а волосы длинные и цвет имеют ржа-

вого железа. Эти великаны могучи и яростны. Они знают слова моря, а потому корабли их способны ходить к краю мира, где и добывают Слезы Акхай...

...камни. Судя по описанию драгоценные камни, которые весьма ценят местные маги...

...численность невелика.

Остров мал.

И время от времени тьеринги пытаются уйти на другие земли, но что-то такое их держит, заставляя вновь и вновь возвращаться на родину.

– Что ж, женщина, – он поклонился, и поклон этот не выглядел смешным, – Хельги Косматый благодарен тебе за то, что ты не дала ему показать себя глупцом...

Торговец стоял рядом и сопел.

Шину дрожала.

Тьерингов боялись.

Почему?

Колдуны? Но и на Островах изрядно тех, кто проклят богами.

...набеги.

...деревни... и мужчины, которых убивали... женщин уводили, оставляя разве что старух... и проклятие, которое посылали в спину.

Чтоб тебя тьеринг забрал.

Они пили кровь младенцев и ели мясо врагов. А иногда и не врагов. На острове их лютые зимы, и потому...

Какой бред.

Или все-таки... мир ведь чужой. Что я о нем знаю?

– Что ж, – я сумела прервать затянувшуюся паузу. – В таком случае мы, пожалуй, пойдем... прошу прощения, господин Хельги...

Тьеринг хохотнул и хлопнул себя ладонями по бедрам.

– Господин... тоже мне придумала господина... я кормчий, женщина... а твое имя?

– Иоко, господин кормчий. – Я сложила руки и поклонилась. – Безродная... вдова и хранительница женского дома.

Он спрыгнул с помоста и, рукой отмахнувшись от торговца, который не собирался расставаться с надеждой на сделку, шагнул ко мне. Охнула Шину.

И Араши оказалась рядом. Встала, положив ладонь на рукоять меча.

– Воинственная малышка. – Тьеринг цокнул языком. – Что за дом? Для чего он?

На языке земли он говорил чисто, разве что слова немного растягивал, отчего складывалось ощущение, что Хельги не говорит, а поет.

Мы шли, а он держался рядом.

Шагал широко, и ракушки в косе позвякивали. Хотя, пожалуй, что-то в его сопровождении было. Теперь нам хотя бы не пришлось протискиваться сквозь толпу.

– Это дом, где... живут женщины, которым... которые...

– Не нужны родне, – сказала Араши громко. – А что, гос-

пожа Иoko, можно подумать, кто-то туда добровольно пришел... вы не обижайтесь, я говорю, как думаю...

– Я пришла, – сказала Шину.

– Так тебе тоже идти некуда было... – Араши пожала плечами. Казалось, она разом утратила всякий страх перед тьерингом, более того, он сменился искренним любопытством, которое Араши не давала себе труда скрыть. – Слушай, ты ж ниток хотела прикупить.

Она остановилась у прилавка, на котором выложены были разноцветные шелковые нити. Сплетенные в тонкие рыхлые косицы, они радовали глаз сотнями оттенков. Одних белых я насчитала дюжину.

Шину остановилась, вздохнула и коснулась пояса, в котором осталось не так уж много...

Быть может, стоит повременить? Но если та ширма и вправду с этого острова, то стоит потратиться на нитки...

Кэед, осмотрев ее, бросила: «Купите нити, починю...» – и дала кусок бумаги с начертанными знаками, в которых ни я, ни Шину ничего не поняли. Зато старушка, сидевшая у прилавка, бумажку приняла. Развернула. Поцокала языком и выбрала из пучков с полторы дюжины.

– Золотой, – сказала она, и Шину, удивительное дело, не стала торговаться, но полезла за нашим последним золотым, который вложила в морщинистую руку.

Оставалось надеяться, что ниток хватит.

Но куда ушли остальные деньги? Ладно, продукты по за-

вышненным ценам, но... даже если их подняли втрое, все одно не могла Йоко потратить все.

Голова заныла и я потеряла виски.

– Госпожа устала? – Шину спрятала сверток с нитями в широкий рукав кимоно.

– Ничего страшного.

Нам еще возвращаться и собрать те покупки, которые Шину предусмотрительно оставляла на рядах. Прежде это мне казалось странным, но ныне я сочла подобный обычай весьма разумным. Не представляю, сколько бы мы прогуляли по рынку с корзиной, полной снеди.

А придется еще домой нести. И ладно рис, его нам привезут, как принесут и свежую рыбу. Но вот прочее... масло, сушеные водоросли и мука. Чай. Плоды гаххам, которые следовало варить вместе с рыбой, отчего та получалась нежной и сладкой. Фасоль черная и фасоль белая.

– Давай сюда, женщина. – Хельги, который слегка отстал, у первого же прилавка отнял корзину. Он ее и нес, позволяя Шину лишь складывать покупки. А я и не подозревала, что их столько.

Этак и корзины не хватит.

Нас проводили до выхода и, свистнув рикхе, сунули ему монетку, велев доставить нас к самым воротам. А я... я слишком устала, чтобы возражать.

Глава 7

– Мой отец говорил, что не стоит судить о другом человеке по слухам. – Араши села в уголке, откуда наблюдала за тем, как Шину и Юкико разбирают покупки. – Он два года жил на острове тьерингов. Еще когда меня не было... говорил, что они хорошие воины.

Горел огненный камень под горшком, грелась вода, в которой уже плавали тонкие стебли травы ниму. И стало быть, на ужин у нас вареный рис.

Есть, говоря по правде, хотелось.

– А еще говорил, что у них совсем нет женщин... те, которые на острове, не живут долго, поэтому тьеринги раньше их и воровали.

Юкико ахнула, приложив ладони к животу.

– Но когда их князь к Императору служить пошел, то подписал договор, чтоб, стало быть, женщин они не крали больше, а брали по-честному, если, конечно, кто отдать захочет.

– Кто ж отдаст дочь тьерингу? – Шину отмерила миску риса. Мыла она его неспешно, перебирая зерна крупными пальцами.

– Не скажи... отдадут... в Веселый квартал же отдают, так отчего б и тьерингам не отдать? Они богатые...

Юкико тяжело вздохнула и, отломив ниточку сушеной водоросли, сунула в рот. Она посасывала ее, жмурясь от удо-

вольствия, и, редкий случай, выглядела вполне счастливой.
– Вот поглядишь, еще к нам явится...

Как ни странно, предсказание это сбылось, но вовсе не так, как предположила Араши.

Этот день ничем-то не отличался от прочих.

Пробуждение.

И мучительное ощущение неподатливого чужого тела, которое сегодня отказывается повиноваться. Всякий раз мне приходилось делать немалое усилие для того, чтобы пошевелить пальцем. Но я справлялась.

И справилась сегодня.

Умывание.

Расчесывание. И гребень в руках нашей единственной онасю скользит по волосам, унося тревоги.

Завтрак в одиночестве.

Знакомая тишина дома. Сад и работа в нем, которая успокаивала Йоко. Странное дело, прежде я никогда не испытывала желания возиться с растениями.

Моя секретарь разводила на подоконнике фиалки, которые вскоре переселились с ее подоконника на другие, норovia захватить все прочие свободные. Она как-то пыталась мне объяснить, но... не видела я красоты в розетках листьев, в цветах темных или бледных, одинаково немощных. А вот здесь... здесь одно лишь прикосновение к земле наполняло тело силой, а душу – странным покоем.

Крошечные деревья в тесных кадках.

И каменная дорожка. Россыпь кислицы темно-лилового цвета. Трава, которая оказалась не просто травой, а... я не понимала и половины премудростей, но руки помнили дело, голова же наслаждалась покоем. Теперь я понимала, что в моей прошлой жизни мне не хватало именно времени наедине с собой.

Постоянный бег.

Вечные попытки кому-то что-то доказать... страх не успеть, провалиться... и мгновения тишины, наполненные тихим шелестом воды о камни. Влажная трава. Мягкая темно-рыжая земля, по которой бамбуковые палочки рисовали узоры... беседка и чай, который приносила девочка.

– Ты выбрала себе имя? – спросила я, устраиваясь на берегу.

– Нет, госпожа. Их слишком много... и все такие красивые. Но я выберу! Честное слово!

Я сидела на траве, больше не заботясь о том, что помну кимоно. Это было домашним и, несмотря на трогательную заботу оннасю, все одно обзавелось с полудюжиной пятен. Пожалуй, права была матушка, пеняя Иоко за никчемность...

Эта мысль внезапно вызвала дрожь в пальцах. И руки вдруг свело болезненной судорогой, я чудом удержала чашку, которая опасно накренилась. Отстраненно подумала, что чай никогда не бывал настолько горячим, чтобы стоило бо-

яться ожогов.

Боль пульсировала в груди.

И в животе.

И это было непонятно, разве что... тело помнило? Уж не после ли визита матушки, которая была жива – я это знала точно, ибо оннасю как-то поинтересовалась, не собираюсь ли я навестить ее вновь, – Иоко заболела?

Отрава?

И все одно непонятно. Зачем матери меня травить? Нет, я в отличие от Иоко не была настолько наивна, чтобы полагать, будто мать не способна причинить вред своему дитяти. Способна. И последние годы жизни Иоко вполне однозначно говорят о характере женщины, давшей ей эту жизнь. Но зачем...

Выгода? Пропавшие деньги? Вполне возможно... если бы мать попросила, Иоко... свои отдала бы точно, а вот чужие? Нет, версия хороша, однако сумма отнюдь не так велика, чтобы рисковать убийством. Убийц здесь не жаловали вне зависимости от пола и возраста, а отправляться на плаху ради пары дюжин золотых монет... помнится, батюшка оставил за собой изрядно золота, чтобы семья могла жить безбедно.

Я поставила чашку на траву.

Тогда иной мотив? Скажем... скажем, стыд? Дочь, открывшая Дом призрения, позорила ее? Но... нет, тоже не сходится. Если первой хозяйкой печального дома являлась

императрица, да и согласно законам, владеть домом могла лишь женщина знатного рода, то это не может быть стыдным или аморальным. Нет, я определенно чего-то не понимаю, но обязательно выясню. И пожалуй, стоит заглянуть в гости к матушке...

Боль ушла, вот только чай оказался чрезмерно горек. И я вернула чашку на поднос. Встала... и вовремя, поскольку со двора донесся крик:

– Где эта старая потаскуха?!

Голос был молодым и звонким, и потому услышали его все обитатели дома. Да и сам он разом утратил сонность...

– Есть тут кто живой?

Что-то гроыхнуло.

– Выходите...

Я стряхнула травинки, прилипшие к кимоно. Пожалуй, стоило бы сменить платье, но что-то подсказывало: гость несколько нетерпелив и вряд ли дождется, пока я приму достойный визита вид.

– Там... – оннасю дрожала, – там пришли... двое с палками пришли. И шумят.

– Ничего. – Я постаралась ободряюще улыбнуться. – У нас тоже хватает палок.

Вот только сердце мое болезненно сжималось, предчувствуя неприятности. Да и у Июко имелись все основания опасаться мужчин с палками.

– Эй вы там...

– Чего орешь? – голос Араши был полон дружеского сдержанного участия. И я поспешила, пока конфликт не перешел в иную плоскость.

Во дворе и вправду было двое мужчин.

С палками.

Молодые, но изрядно бледные и помятые, вид они имели весьма агрессивный. Темные их одеяния, некогда весьма роскошные, были грязны. Плоские лица опухли. А волосы, заплетенные в косицы, лоснились от жира.

В руках оба сжимали палки, старший время от времени ударял своей по забору.

Араши стояла на пороге с заветным мечом, обнажать который, к моему великому облегчению, она не стала. Но всем своим видом она демонстрировала полную готовность вступить в схватку. И как ни странно, этого хватило, чтобы гости держались во дворе.

Хотя на дом оба поглядывали с жадностью.

– Кто вы, – я шла неторопливо, как и подобает благородной госпоже, – и что вам нужно в доме моем?

Мой голос, благо воспитанию, звучал ровно и отстраненно.

– А ты кто такая?

Старший покачнулся.

Кажется, он все еще был пьян или... нос мой учуял характерный сладковатый аромат опиумного зелья. Если так, то все будет немного сложнее. Пьяные и наркоманы не спо-

собны прислушаться к доводам рассудка. А палки... палки у меня были в отличие от умения ими пользоваться.

– Я Июко, хозяйка этого дома, – сказала я, стараясь, чтобы голос мой звучал ровно.

– А... – потянул старший, утыкая палку в землю, он опирался на нее, словно на трость, и покачивался. – Значит, это ты...

Он явно хотел что-то добавить, но слова потерялись. И он стоял, покачивался, шевелил бровями, пытаясь казаться одновременно и грозным, и задумчивым, но был всего-навсего смешон.

– Это я, – согласилась я. – Я – большей частью всегда я... а вы – это вы... и могу я узнать, что привело двух достойных юношей в скромную нашу обитель?

Юноши икнули.

Переглянулись.

– Ты должна отдать нам деньги.

– Какие?

– Эта старая шлюха их украла!

– Боюсь, вы ошиблись местом. – Я позволила себе тень улыбки. – Под крышей этого дома собрались женщины достойные, а если вы ищете юдзё...

Старший засмеялся, громко и визгливо, он и палку выпустил, согнулся от смеха, обнимая бока руками. Младший же веселья не разделял. То ли был более трезв, то ли более скептичен.

– Женщина, не зли нас, – сказал он, легонько пнув брата. – Сохрани свой длинный язык, чтобы лизать зад Наместнику, от которого кормишься...

А вот это оскорбление, произнесенное при свидетелях – да будут милостивы боги к душе Шаорахха Многомудрого, который дозволил женщине выступать в суде, – могло дорого обойтись обоим.

Я запомнила.

– И отдай нам старуху... нечего ей здесь делать.

– В моем доме нет старух, и я не понимаю, о ком вы говорите...

– Шину! Отдай Шину! – Старший утер глаза ладонью. – Она к тебе ушла... забрала деньги... все деньги, которые наш отец скопил за жизнь, и сбежала... тварь... возвращай!

– Они лгут, госпожа. – Шину, чье благоразумие я несколько, кажется, преувеличила, вышла во двор. – Я клянусь посмертием, что никогда не брала чужого...

– Хватит, – я сказала жестко, как могла, и от слова этого, произнесенного звонким голосом Иоко, воздух замер. Мухи и те исчезли, не решаясь изводить нас гудением своим. – Шину пришла сюда по доброй воле. И уйдет тоже по доброй воле, не иначе. Вы же двое покинете этот дом сейчас же, если не желаете...

Палка просвистела у меня над головой и врезалась в стену, отскочила, покатила по песку.

– Сука, – сказал незванный гость.

И поднял камень.

Я смотрела, как движется он, медленно, будто во сне. Вот раскрытая пятерня тянется к земле, гребет ее... я видела и желтые пальцы с синеватыми – весьма характерная примета – ногтями, и волосатое запястье, и камушки, которые больше не казались безобидными.

Видела искаженное яростью лицо.

Белки глаз, пронзенные алыми копьями сосудов.

Приоткрытый рот. И отвисшую губу. Каплю слюны... реденькие волоски, сбитые в такую же редкую бородку. Я видела все уродство этого человека и... ничего не могла поделать.

Сердце мое ухнуло куда-то в пятки.

А силы ушли на то, чтобы не позволить телу свернуться жалким комком...

Я поймала взгляд второго, и что-то свистнуло у самого моего носа, а затем раздался крик, громкий, преисполненный боли... и я очнулась.

Их по-прежнему было двое, чужаков, дерзнувших переступить порог нашего дома, но теперь старший сидел, баюкая правую руку, и выл. А младший катался, пытаясь уйти от тычков палкой. Араши скакала вокруг и, тыча в него деревянным – слава всем богам, что деревянным, – мечом приговаривала:

– Будешь еще кидаться камнями, дрянной мальчишка, будешь...

– Оставь его, – попросила я, понимая, что еще немного, и просто-напросто упаду. Я не сделала ничего, что должна бы, однако и это «ничего» забрало все мои малые силы.

Араши застыла и, плюнув на поверженного врага, отступила.

– Если вздумаете вернуться, я побью вас снова, дерьмо вы собачье! – сказала она громко, и Юкико торопливо зажала ушки ладонями.

Почему-то этот жест, по-детски искренний и все-таки нелепый, заставил меня рассмеяться. И смех мой подхватили. Голос Кэед звучал как колокольчики.

Хохотала Шину, утирая слезы то ли боли, то ли радости... и робко улыбалась снежноликая Юкико. И даже наша Мицухито, выглянувшая на шум, позабыла о слезах... И Араши тоже смеялась, громко и по-мужски хлопая ладонями по бедрам.

– Вы... – старший покраснел до кончиков ушей, – вы за это заплатите... я пойду к Наместнику... я скажу...

– Что тебя побила девчонка, рыбозадый? – этот громкий голос оборвал смех. – Прошу прощения, госпожа...

Старший поднялся, все еще держа руку. Перелом? А хоть бы и так. Он сюда не с миром шел, и будь сила на его стороне, нам пришлось бы туго.

– Не стоит, господин Хельги... а вы, молодые люди, послушайте и, если получится, подумайте над моими словами. – Я выступила и спрятала руки в широких рукавах домашнего

платья. – Вы здесь говорили много... всякого... не только о нас, но и о Наместнике, да продлят боги его час на земле...

Хельги выразительно хмыкнул и руку с меча не убрал.

– ...и шестеро готовы повторить слова перед любым из его судей...

– С-сука...

– Полегче! – Широкая ладонь Хельги мазнула по бритому затылку. – Продолжайте, госпожа...

– И они подтвердят, что говорим мы правду. А согласно уложению от Каннаши, хула на Наместника либо же иного чиновника, назначенного князем, есть хула на самого князя и повинна быть наказана... – Язык мой легко вывязывал слова.

– Понятно? – Хельги поднял обоих ублюдков и, хорошенько встряхнув, добавил: – А вздумаете докучать госпоже, я вам попросту яйца отрежу. Сам, без уложений и судей.

Не знаю, что именно произвело большее впечатление, моя ли речь или угроза тьеринга, но гости наши спали с лица. И не возражали, когда тьеринг вышвырнул их за забор. После огляделся, присвистнул и сказал:

– Тут бы у вас оградку починить...

– Пожалуй, стоило бы. – Я вздохнула.

И ограду. И крышу... и пол в старой мастерской, осмотрев которую, Кэед сказала, что вполне та годится для работы, ибо просторна и светла. И Юкико, тенью следовавшая за той, кого она еще не смела называть подругой, кивнула.

Мастерская – это хорошо...

И я узнавала, что за учебу здесь платили неплохо, а умения Кэед и вовсе были редки. И значит, при удаче, у нас получится найти несколько учениц...

Но пол скрипел, а из стен дуло.

Очаг ждал огненных камней или хотя бы дров...

– Так, – Хельги поскреб щеку, – может, дадите чем?

Тихо ахнула Юкико, а Кэед, оценив нового гостя и сочтя его недостойным собственной персоны, попросту повернулась спиной. Они исчезли в доме, то ли опасаясь стать жертвой тайного чужого колдовства, то ли просто не желая иметь ничего общего с существом иным и грубым.

– Гостю в доме всегда рады, – ответила я и указала на сад: – Быть может, господин Хельги, мы просто выпьем чаю? И я расскажу вам занятную историю, из тех, о которых читала в свитках. Вы же расскажете мне о море, и беседа эта...

– ...будет длинной и бесполезной. – Он стянул куртку, оставшись в короткой рубахе из алого шелка.

А в прошлый раз была другая, попроще.

Нынешняя вон и вышивкой украшена, и разноцветными бусинами.

Волосы тьеринг зачесал высоко, заплел в три косы, каждую украсив алою же лентой. На руках его я заметила широкие серебряные браслеты. На шее – плоскую цепь, которую он снял и кинул на куртку.

Отказать?

Для Иоко невозможна была сама мысль о подобном: позволить гостю, пусть и ничтожному чужаку, работать? Ужасно. Но я... мы слишком бедные, чтобы позволить себе быть слишком гордыми.

– Хорошо, – сказала я, склонив голову. – Мы будем весьма благодарны вам за помощь, господин Хельги...

Кое-какие инструменты сохранились. Не все, но многие, и Хельги долго перебирал их, цокая языком, что-то бормоча, то ли одобрительное, то ли наоборот...

– Идите, госпожа, – сказал он, присевши у калитки, которая повисла на старых петлях и одним углом впиалась в землю. – У вас небось своих дел немало...

Глава 8

Немало.

Расходная книга, которую мы начали вести вместе с Шину.

И свиток, куда заносили все, что могло понадобиться нам и дому. Он был длинен и подробен, этот список, а серебра осталась последняя горстка. И вскоре мы не сможем купить даже чая...

Чай ныне дорог, но если подождать купцов, которые вскоре станут продавать старый урожай, дабы освободить склады для нового, то можно приобрести вполне приличный чайный лист.

Или же вовсе сырым взять, но для того придется подняться на гору Хей-но, где всегда царит лето, и отобрать нужный. Там его продают за пару медяшек тюк, но надобно уметь высушить лист, чтоб не утратил он ни пользы, ни аромата.

Мицухито умела.

Она, стоило заговорить о чае, расцветала.

...о листьях толстых, которые сушат в тени, или же тонких, молоденьких, в которых еще не затвердели жилки. Эти листья закапывали в землю и оставляли там на год или два. В другие, уже старые и негодные для иного, заворачивали особые травы и цедру мандарина...

О да, она многое знала.

И как-то обмолвилась, что прежде супруг ее сам выращивал чайные кусты, полагая, что в них сила ста десяти богов, способная исцелить любую болезнь.

Наверное, ошибался.

На кухне было неожиданнолюдно.

Кипела вода в котле. И Шину деловито чистила рыбу. Движения ее были точны и спокойны, чешуя летела на пол, а отсеченные рыбы головы – в корзину. Завтра из них Шину приготовит наваристый суп.

– ...и тебе совсем-совсем не страшно?

Юкико перебирала рис. Ее тонкие пальчики порхали, удаляя поврежденные зерна, которые тоже пойдут в похлебку. Пару – я знаю – Юкико спрячет в рукаве для птиц. Птицы ее любят.

– Чего бояться? – Кэед просто сидела, оглядываясь с немалым любопытством.

Ей прежде не случалось заглядывать на кухню.

– А если... если он захочет тебя увезти?

Мицухито вздрогнула и выронила тонкий стебелек травы.

Травы она собирала в саду и сушила в пустой мастерской.

Что именно, я, признаться, понятия не имела. Одуванчик вот опознала и еще, кажется, выюнок. Но насчет последнего сомневаюсь. Но Мицухито сказала, что некогда при доме был сад полезных трав и его надо лишь восстановить.

Я не возражала.

– Что ж, если он настолько слеп, что не испугается, – Кэед

провела ладонью по конопатому личику, – и захочет взять меня в жены... я буду только рада.

– Но... – Юкико закусила губку. – Он же тьеринг!

– И что?

– Он... он увезет тебя на Остров... и...

– Деточка, – Кэед вздохнула, – открой наконец глаза. Если кто на нас и позарится, то только тьеринг... увезет? Это вряд ли... мне наставник рассказывал, что остров их гибнет, и потому тьеринги ищут мира с Императором...

Пустая земля. Каменистый остров, большой, но непригодный для людей.

А тьерингам, стало быть, и такой сгодился.

– А Император не слишком рад, поскольку земли не хватает, но счел, что лучше ему иметь тьерингов обязанными, чем врагами. Они пришли просить, но ведь и просить можно по-разному...

Ее ладонь скользнула над столом, повернулась, обнажив мягкую кожу запястья, и шелк съехал, открывая чуть больше дозволенного правилами. Хрупкая рука.

Острые косточки.

Пятнышко веснушки, будто лепесток рыжего цветка, прильнувший к коже.

– И все равно не понимаю, как ты можешь думать об этом! – воскликнула Мицухито. Стиснув каменный пестик, она с силой давила на него, поворачивала то влево, то вправо, размалывая травы в пыль.

– Я в принципе могу думать...

Араши за спиной Лейко закатила очи.

– ...и я хочу семью. Меня всю жизнь готовили к тому, чтобы стать госпожой в большом доме. И дом этот будет полон слуг... если у меня не получится войти в Дом Дракона, то моим мужем станет воин. Или чиновник из тех, кто имеет право носить на шапке нефрит или шить одежду из желтого шелка... или, быть может, на худой конец кто-то из родственников Наместника.

Я кривовато усмехнулась: с удовольствием уступила бы ей высокую честь.

– И я буду хорошей женой. Я рожу детей... сыновей, которые силой своей восславят имя отца. Или дочерей столь красивых... – голос ее все-таки дрогнул, а пальцы сжались. – Но потом оказалось, что я недостаточно хороша. Сваха бралась устроить мою судьбу, но потребовала за это столько, что моему отцу оказалось проще выставить меня из дому и забыть...

Кээд поднялась.

На ножках своих, больше похожих на копытца, она стояла уверенно, а вот при каждом шаге покачивалась.

Цветок на тонком стебле.

Дунет ветер и сорвет, понесет по-над жестоким миром.

– Мне не нужны слуги. Я, оказывается, прекрасно обхожусь и без них. Большой дом? К чему мне большой дом, если я не способна уйти дальше этих комнат? – Она оперлась

тоненькой ручкой на стол. – Но вот детей родить я способна. Не уверена, правда, что дочери будут прекрасны, а сыновья так уж сильны, однако знаю одно – они будут меня любить.

Стало тихо. Настолько, что слышно было, как рисовое зернышко, скатившись с пальцев Юкико, падает в сито. Или вздыхает вода, выпуская на поверхность тяжелые пузыри...

– Госпожа Иоко. – Кэед повернулась ко мне, и лицо ее было безмятежно, словно море в преддверии шторма. – Возможно, с моей стороны это будет дерзостью...

– Когда это тебя останавливало, – пробурчала Шину, опуская в кипящую воду рыбы туши.

– ...однако не составит ли вам труда узнать, что нужно этому тьерингу... и если он ищет себе жену, то... по крайней мере одна из нас готова...

Не уверена, что Хельги нужна была жена.

С другой стороны, что знаю я о тьерингах, помимо скудных слухов, которые достигали ушей Иоко. И мнится мне, в слухах этих изрядно было выдумки.

Хельги работал.

Калитка поднялась. И сам забор как-то вдруг оправился, стал ровнее. Весело стучал молоток, солнышко пригревало, суля долгое лето, хотя на деле оставалось лету недолго. Скоро очнется зимний дракон, и над горой Накарама поднимется белый дым. Он поползет по склонам этой горы, неся с собой холод и дожди...

Иоко не любила осень, да и я, признаться, тоже.

– И все-таки. – Я позволила себе заговорить, когда тьеринг прервался. Готова поклясться, он почувствовал мое присутствие раньше, однако виду не подал. – Быть может, дорогой гость пожелает все же испить чаю и... развлечь хозяйку беседой?

– Рассказами о море?

– И о вашем народе.

Хельги кивнул:

– Забор я поправил. Но в доме, чую, работенки хватит.

– Хватит, – согласилась я. – Не на один день. Дом этот некогда принадлежал моему отцу, однако в последние годы... был несколько заброшен.

– Заметно. – Хельги сгреб инструмент. – Так вы тут одни живете?

– Одни. – Лгать не имело смысла. Любой в этом несчастном городе с немалою охотой расскажет о безумице Йоко, которой вздумалось воскресить вдруг древний обычай...

Здесь не так много поводов для сплетен.

– Плохо. – Хельги нахмурился. – Ваша малышка скачет, что коза, но...

Я лишь развела руками.

Мы поняли друг друга. Нынешние гости были, по сути своей, обыкновенными хамами. И пусть хватило их дури на то, чтобы бросить палку... да и ударить они бы ударили, той же палкой или кулаком, ногой... не важно, главное, что оба они – трусоватые мерзавцы, не более того. А вот будь на их

месте настоящий воин...

С другой стороны, настоящему воину противостоять может лишь другой воин, да и то не всякий...

Я лила воду на руки, и Хельги мылся, шумно отфыркиваясь и отплевываясь. А после, хитро изогнувшись, пил тонкую струйку. Вздыхал. И, вытерев лицо полотенцем, сказал:
– Так где ваш чай?

Мы устроились на террасе. Я села на ноги, для Йоко поза эта была привычна. Хельги поерзал, но тоже сумел устроиться удобно. Он сел по-турецки, положив руки на колени.

– Извините, но ваши эти... почему у вас нет нормальной мебели?

– Может, потому что здесь привыкли обходиться без нее? – Я позволила себе улыбку.

Чай подала Шину и, одарив тьеринга суровым взглядом, удалилась. А он лишь ладонью по косе провел и прицокнул.

– Суровая женщина...

Я уступила место Йоко, в чьей крови был прописан древний ритуал церемонии. И тело двигалось само, исполняя танец поз, который тьеринг вряд ли способен был оценить.

Он молчал.

Ждал, пока я начну беседу.

А я перебирала возможные слова, пытаюсь найти подходящие.

– Зачем вы здесь? – спросила я, и руки Йоко слегка коснулись крышки массивного чайника с горячей водой.

Чайный домик пришел в запустение, и вряд ли получится его восстановить. Признаться, матушка Йоко никогда-то не была любителем церемоний, да и гости в доме собирались редко. Правда, тогда она преображалась удивительнейшим образом, но...

– Да... в гости вот заглянул. – Он поднял крохотную чашку и покрутил в пальцах. – Только того горького не надо, который на зеленую жижу похож.

Варвар.

И чужак.

Островитяне ценят вяжущую терпкость маття.

Я смешала порошок и горячую воду, привычно разбила бамбуковым венчиком комочки. И полагалось бы наслаждаться тишиной и покоем, слушать мир, наполненный лишь звуками огня да кипящей воды, слабым шорохом венчика-тясен о глиняные стенки чаши, ароматом чая, что раскрывается при первом прикосновении, как сложный танец, где каждое движение – часть истории, но мы оба были слишком далеки от этих церемоний.

– Зачем? – Я подняла руку, подвернув край кимоно, позволив зеленоватым каплям скатиться в чашу.

– Не звали?

– Не звали, но... мы мало знаем о вашем народе. – Пена была слишком светлой и ноздреватой. Будь гость иным, мне бы, пожалуй, было бы стыдно. Самую малость. Все же чай мы покупали не лучшего качества. – О вас многое говорят.

Но полагаю, не всему стоит верить?

Хельги крикнул.

А я долила горячей воды. Не кипятка. Нет. Кипяток убивает остроту чая, делает его бледным и высвобождает лишь горечь, которую вряд ли получится заесть.

– Не всему, госпожа Иоко... не всему... – Он поерзал.

– А чему стоит? Говорят, ваш остров гибнет...

Он слегка наклонил голову.

– ...и что вам пришлось покинуть его в поисках нового дома... и что дом этот милостью Императора был дарован...

– Милостью? – Хельги фыркнул. – Да этот узкоглазый карлик...

– Я не слышала этих слов. – Я коснулась бубенцов на нитках, и те зазвенели, отгоняя дурное.

– ...запросил золото... и камни... и клыки морского зверя... он забрал почти все, что у нас было, за два островка и представил это высшею благодатью. Там до нас и птицы-то селиться брезговали!

Его возмущение было ярким и живым, а еще совершенно неподходящим для такого спокойного дела, каковым была чайная церемония. И пусть нынешняя – лишь жалкое подобие истинной, но все же...

Я подняла чашу-тяван и, оценив чай – полупрозрачный, правильного золотистого оттенка, – подала ее Хельги. И он, вытащив из кармана шелковый платок, обернул им ладонь. Все же не настолько чужд он местных обычаев, как хочет

показать...

– Еще говорят, что среди вас нет женщин...

– Мало, – уточнил Хельги, пригубив из чаши. Он прикрыл глаза, смакуя чай. – Эх, меду бы сюда... и цвету липового, и еще моя матушка выращивала травы... ваша правда, госпожа Йоко, наш островок был мал, но любим, что ветрами, что морем... его берега меняли цвет. Белым-белы зимой, что пена морская... это снег ложился на землю и дома укрывал толстенною шубой... и даже сосны, что выростали огромными, до самого неба... пусть море не примет меня, если лгу, и те становились белыми. У моей матушки была шаль из козьего пуха, легкая, как тот снег...

Он протер край чашки платком и вернул мне чашу.

– ...весной остров становился красен. Сосны гудели, зазывая в гости ветра, а из сараев выволакивали корабли. Женщины выходили смотреть, как их красят, а парни варили краску из местных ракушек, растирали камни... и выдували алый бисер, чтобы поднести той, которая по сердцу придется. Ваша правда, женщин у нас мало... матушка моя сказывала, что это из-за морской ведьмы... что она открыла остров Бьярни Криворотому, с которым и пришли тьеринги. Слово сказала, и поднялся остров из воды, встал посеред моря...

Чай был терпким. И сладким, без сладости, но сам по себе. Тишина.

И голос Хельги, в котором звучит такая знакомая мне нота

тоски.

Моя сосна выросла из камня, и еще отец оградил крохотное деревце забором, чтоб не сломал его ветер. Я носила ему воду...

Не я, Иоко, но, кажется, мы становимся все ближе.

– Ведьма ревнива была... может, и вправду Бьярни обидел ее, а может, сама по себе... как знать... но сказала она слово, и все... перестали на Острове женщины родиться. А те, кого возили... матушка моя померла, когда мне десятый год пошел... говорят, что слышать они начинают, да... будто зовет кто... в воду... и от песни ведьминой тоска в душе появляется такая, что словами не описать. С тоски той и... – Он вновь принял чашу, поклонился и чай отпил. Замолчал.

– ...но если уж какая родится, так ведьма больше над нею не властна... но мало их... наших мало... на десять мальчишек одна девка... но я не о том... летом остров цветет. Сперва вереском, и все становится лиловым... после вот колокольцы синие и еще другие какие цветы... но лето короткое, и мы уходим. Женщины остаются. И дети... а мы вот... ходим на водяного зверя. Они огромны, каждый – с корабль, а есть и побольше, но смирны. Они выходят из глубин моря и ложатся, отдыхая. Их тела порастают коростой водорослей и улиток...

Я прикрыла глаза и вдохнула терпкий чайный аромат, в который, чудилось, вплелись ноты живицы и моря, того, запомнившегося мне с прошлой жизни неприветливым и

серым, переменчивым, как настроение старухи-кошатницы, что держала дом на берегу.

Тетки и матушка готовили по очереди.

А я ходила на берег искать янтарь и мечтала увидеть дельфинов. Янтарь находила.

Позже было еще одно море, куда более дикое и недружелюбное. Исландия. И лодчонка, показавшаяся мне слишком ненадежной. Борта. Соленые брызги. Ветер, пробивавший мою непродуваемую куртку, будто ее вовсе не было.

И вереница касаток.

Каменистые берега.

Птицы.

И огромные звери, выпрыгивавшие из воды то ли в игре, то ли в попытке поймать зазевавшуюся чайку. Старый капитан, наблюдавший за косатками, не скрывал охотничьего своего азарта... и эта их игра, все же игра, как я решила, покупала все неудобства разом.

– ...не всякая острога способна пробить его шкуру. Но если случается такое, то зверь уходит на глубину, и наше дело – не позволить ему сорваться. Порой он впадает в ярость, случается, что и лодки разбивает... – Хельги принял чашу, и пальцы наши, что непозволительно, соприкоснулись. Я удивилась тому, до чего горячи у него руки. – Зверь, госпожа Иоко, – он будто не заметил этого касания, – плоть от плоти морской... и всякий раз, когда получается добыть его, мы отдаем морю дары...

Варварский обычай.

Ловля китов запрещена в том мире, который остался для меня в прошлом. А в нынешнем этих гигантов добыть способны разве что такие безумцы, как тьеринги.

– ...он один способен прокормить всех тьерингов... мы тянем тело к Острову, и уже там, на мели, разделяваем его. Мясо солим, вялим, складываем в ледники... его жир топим. Особенно хорош тот, который в голове. Свечи получаются ладные. Из шкуры зверя, если выделать, выходит одежда для лодок. Или вот еще куртку пошить можно, которую и стрела не возьмет, да... я семь раз выходил в море. И всякий раз возвращался с добычей. Я хороший хозяин. Уже совсем скоро дом наш поглотят волны. Ведьма умерла. А может, позабыла про остров... наши думают, что умерла. И ведьмы смертны.

Он отставил чашу, что было нарушением ритуала.

– В былые времена, сказывали, наши предки женщин силой брали, что есть, то есть... ходили на ваши берега... иных торговали... у рыбаков в деревнях и людно, и голодно, вот и выменивали, когда на остроги с крючками, на ножи ладные, а когда и на мясо морского зверя. Те-то плакали, понятно... дурная слава, но... – он развел руками, – сыновей-то хотелось... после уж Харольд Косматый не велел силой чтоб... умный кёниг был, да... сказал, что когда силой, то уж больно быстро уходят... ничего, мол, не держит. Вот и бегут на ведьмин зов.

Ветер скатился по крыше, и черепица зазвенела. Закрутилась нить с бубенцами, будто желала рассказать свою собственную историю, раз уж мы решили говорить.

И история эта была бы славной.

– Мы и жемчуг добывали. И камень морской желтый. И дома наши были теплы. Мы приводили в них женщин и говорили: живите... Мы подносили им шкуры, и жемчуга, и золото, и шелка, и алые бусы... и шамани, старшая рода, брала их под свою опеку...

Он пожевал кончик косы.

А про чай забыли. Его еще оставалось с половину чаши, что было нарушением всех традиций и проявлением высшей степени неуважения, но...

– И они жили. Смотрели. Искали того, кто придется по сердцу. А если какая желала, то после года мы отпускали ее... но не желали. Оставались. Рожали детей... десять лет, вот сколько им было отмерено...

Извращенный способ самоубийства.

С одной стороны.

А с другой?

Я ведь видела глазами Иоко многое... и сколько отмерено той же дочери рыбака в Веселом квартале, куда ее продадут, поскольку семья не способна прокормить, а юдзё... юдзё неплохо живут по местным меркам.

Или в доме сурового мужа, безмолвной и бесправной? Знающей лишь работу, и ничего кроме...

Или в доме отца, что однажды избавился от докуки, а она вернулась вдруг... да будь хоть трижды невинна, не поверят соседи.

Оплюют.

Обвинят во всех грехах. Сама в море утопишься, без всяких проклятий.

– Кёниг Харгар велел нам уйти с Острова... волны давно поднимались выше и выше... сперва они забрали Вересковые поля, при которых ставили корабельные сараи. После подточили красные берега с другой стороны, и рухнули в пропасть дома. А в позапрошлом году Рстров дрожал, а в земле открывались огненные ямы. И шамани сказала, что скоро уже проснется он и плюнет пламенем... многие не хотели уходить. Не знали куда, да и... привыкли мы, чего уж тут. Но кёниг Харгар послал богатые дары вашему Императору, и тот согласился принять тьерингов на службу.

Он хохотнул и потрянул головой.

– Скоро... очень скоро встанут новые дома... наши корабли ходили в море. И мы добыли двух морских зверей, а еще белого камня, который растет под водой. Мы ходили на земли Укху, где люди черны, а солнце палит так, что горят паруса... мы были там, где из моря поднимаются ледяные горы. Мы видели, как вода становится горячей, и прямо из моря можно черпать рыбий суп...

– Отчего вы не нашли дом там?

Им ведь и вправду открыт весь мир. Жаркий юг ли, север,

климат которого куда больше подходит им... восток или запад... тьеринги славились как мореходы, и я охотно верю в это, но...

– Наше сердце здесь, – он прижал ладонь к груди. – И потому нам приходится привыкать к переменам...

– Это тяжело.

Он склонил голову.

– Наши мужчины ищут жен... договор с Императором не позволяет нам покупать женщин, как прежде. Оказывается, у вас тоже грядут перемены... нынешний Император хоть и молод, однако желает искоренить недостойную торговлю. И отныне любого, кому вздумается продать сестру ли, дочь или иную женщину, надлежит бить палками столько раз, сколько монет он за нее выручит.

Интересно, изменит ли этот закон хоть что-то?

Сомневаюсь.

Девочек по-прежнему будут приводить в Веселый квартал, только назовут это иначе... Службой? Учением? Гейши не останутся без майко, а содержательницы Веселых домов – без свежего мяса, на которое так падки мужчины...

Горькие мысли.

И уже не понять чьи. Мои ли, Иоко, которой о Веселых кварталах полагалось знать лишь то, что они существуют вопреки слову князя и повелению Наместника, постановившего возвести стену, дабы убереечь горожан от тлетворного влияния...

Смех. Горький.

– Мы обратились к свахе. Она потребовала золото... много золота и еще меха, якобы в дар семьям женщин. Она сказала, что раз мы ныне служим Наместнику, то и невест она подыщет достойных. Только вот ищет уже второй год кряду.

– И вы решили взять дело в свои руки?

Хельги развел руками.

– Раз уж вы не боитесь меня...

– А разве есть у меня причины? – Остывший чай горек, словно слезы. И пить его – не лучшая идея, но Иоко не способна позволить чаю пропасть.

– Я же тьеринг...

– И мужчина... это определенно внушает опасения...

Зашелестел багрянцем старый клен. Недолго ждать уже, еще день или два, и первый лист ляжет подношением на теплые доски террасы. И тогда можно будет смело сказать, что в город пришла осень.

– Если вы ищете невесту, то... в этом доме есть женщины, не связанные ни словом, ни иными обязательствами, однако... вы сами должны понимать, что у каждой из них своя история...

– Госпожа Иоко будет столь добра, чтобы рассказать ее?

– Госпожа Иоко, скажем так, она не станет мешать, если кому-то вздумается узнать ее... у той, что пришлась по сердцу.

Тьеринг крякнул.

– И чего госпожа пожелает взамен?

– Слова. Вы не станете никого обманывать. Неволить.

Принуждать словом или любым иным способом...

Это определенно был странный вечер.

И странный разговор.

А кленовый лист, слетевший на мою раскрытую ладонь, напомнил мне сургучную печать, которой во дворе Наместника скрепляли договора.

Глава 9

На следующий день Хельги явился с высоким молчаливым парнем, который старательно горбился, стремясь казаться ниже. Светлые волосы его были заплетены в две косы, украшенные полосками белого и рыжего меха.

– Вот, госпожа, это Норгрим... он славный парень, строит корабли. Боги наделили его редким даром – слышать дерево... и думаю, с вашим домом он тоже управится...

Они принесли короб с инструментами и доски.

И огромную корзину, наполненную вяленным мясом, мешочки с белой рисовой крупой и хлеб.

Огромный каравай хлеба. Привычного. Круглого. С темной корочкой, густо посыпанной тмином. Слегка приплюснутого с одной стороны и украшенного поперечную трещиной. От него исходил умопомрачительный аромат. Для меня. А Йоко запах казался кислым, да и... она удивлялась, что это вообще съедобно.

– По обычаю тьерингов. – Хельги отломил горбушку, которую протянул мне.

Ноздреватый. Сладкий. И я, оказывается, вечность не ела хлеба... нет, не вечность, всего-то пару недель.

– Благодарю. – Йоко поклонилась, ей вот хлеб совсем не понравился. Вязкий, и кисловатый, и тяжелый, то ли дело лепешки из рисовой муки. Я доела хлеб.

– Полагаю, с моей стороны будет правильно пригласить вас отобедать...

Хельги ткнул паренька локтем в бок.

– Видишь, говорю, они тут другие... извините, госпожа Иоко, но мы тут устали... у вас слишком много всяких обычаев. Вы и соплю подтереть не можете, чтоб не обозвать это действие красивым словом... и к каждой сопле собственный платочек припасете...

Беззлобное ворчание.

Но вновь вспышка...

...рука.

...шелковый платок, который соскальзывает с запястья. Белый шелк с алой каймой. Ослабевшие пальцы пытаются ухватить его, но шелк капризен. Вздох.

Улыбка.

И растерянность в глазах Кэед, которое гаснет, как гаснет луна в рассветных водах озера Тугами...

Скоро парк откроют для посещений, ибо каждый, рожденный под красным солнцем Накугари имеет право любоваться приходом осени. А еще на площади перед парком начнется ярмарка мастериц... И быть может, нам стоило бы принять в ней участие, вот только с чем...

– Не буду вам мешать. – Я коснулась виска. Все же голова ныла, будто бы засела в ней стальная заноза. И значит, воспоминания важны, но...

Терпение.

Если память возвращается, то рано или поздно я узнаю все.

– И чего им надо? – Шину наблюдала за тьерингами из-за шелковой ширмы.

– Не ошибусь, если скажу, что тебя. – Кээд стояла здесь же, опираясь на резной столбик, и видно было, что даже стоять ей тяжело. – Во всяком случае, рыжему. Второй, как полагаю, свободен?

– Именно...

– Кто он?

– Мастер по дереву, как я поняла...

– Плотник. – Кээд наморщила нос.

– А тебе сразу Наместника подавай...

– Отчего ж... плотник тоже неплохо...

– Мастер по дереву делает корабли, – сказала Араши, выглядывая из своей комнатенки. – Его берегут. Воином может стать любой, а вот услышать дерево – только тот, в ком дар имеется... слово хорошего мастера ценят больше, нежели слово воина. – И пояснила: – Так отец рассказывал.

Кээд кивнула, одарив светловолосого тьеринга весьма многозначительным взглядом, правда, сосредоточенный на заборе, тот ничего не заметил.

– Что ж... это многое меняет...

– Ага. – Араши выглянула наружу и, потянув носом, сказала: – Он для тебя хорош... а вот ты для него?

– Не твоего ума дело. – Кээд медленно развернулась и,

сделав крохотный шаг, застыла. Ее лицо исказила мучительная гримаса.

– Болят? – Шину протянула руку, на которую Кэед оперлась.

– Благодарю...

– От...

К благодарности, пусть и произнесенной тоном ледяным, показно-равнодушным, Шину не привыкла. И смутилась. И оттопыренные уши ее, пожалуй, единственное, что во всем обличье могло показаться красивым, запылали.

– Тебе к нашей Мицу надобно, она в травах понимает... или к исиго...

– Исиго мне не поможет, – Кэед сказала это совсем иным тоном, обманчиво-спокойным. И добавила: – Отец обращался, когда... когда стало понятно, что благородного жениха мне не дожидаться... только исиго сказал, что кости уже выросли и теперь ничего не изменишь... мазь дал, чтобы не болела. И взял за это три золотые монеты. А если все-таки выправлять, хоть немного, то двести отдать надо...

Араши сказала слово, которого девица благородная и знать-то не должна бы.

– Та мазь и вправду помогала, но... она закончилась еще прошлой зимой. А отец решил, что три золотые монеты за крохотную склянку – это чересчур. Он подумывал отправить меня в монастырь. Так что, могу сказать, мне повезло, что в конце концов я оказалась здесь. Госпожа Йоко... я закончи-

ла работу над ширмой.

– Быстро. – Шину ступала медленно, чтобы Кээд успевала за ней.

– Все равно здесь больше нечем заняться, а работа меня всегда отвлекала.

Она и вправду была удивительной мастерицей.

Яркая зелень горы. Алые крылья дракона. Море седое, с чернотой. Живое. Застывшее с лодчонкой в огромных своих ладонях. И пусть держало оно лодочку бережно, но стоит дракону дыхнуть, и огненный шквал заставит море вздрогнуть. Вскинуться в страхе ли, в ярости. А может, удержав несчастное суденышко, оно попытается сохранить его, но сосны на скалистом берегу вспыхнут, что спички...

Тихо вздохнула Шину.

Араши и та не нашлась, что сказать. А Кээд, проведя по ширме пальцами, сказала:

– Мне впервые попалась подобная работа... и я благодарна, что вы доверили ее мне, госпожа...

– Иоко, – мне давно уж надоело быть госпожой, – зови меня Иоко...

– Что ж... – Шину подошла поближе и, присев у ковра, пощупала край пальцами. Цокнула языком. Хмыкнула. И сказала: – Пожалуй, за это мы выручим тысячи полторы... не меньше.

Но, разом помрачнев, добавила:

– Если найдутся те, кто захочет иметь дело с женщина-

ми...

Найдутся.

Я была уверена, что эта ширма привлечет немало внимания, вот только... Шину права в том, что появятся те, кто захочет получить ее даром.

Или почти даром.

Ведь разве способна женщина постигнуть истинную ценность вещей?

– Скоро осенняя ярмарка. – Я, кажется, знала, что стоит сделать. – И думаю, нам будет что предложить на продажу...

Тишина.

И Араши поглаживает рукоять деревянного меча. Я знаю, что она сама его сделала, и не только его...

Был еще нефритовый зверь причудливого вида, сунутый в ладошку Юкико. На удачу.

И широкий браслет, вырезанный из дерева и украшенный тонкими пластинами из камня. Такие на Островах не носят, но...

Мацухито собирает травы собственным узором. Она заваривает ромашковый чай для Юкико, но помимо ромашки в нем и мелисса, и мята, и что-то еще, отчего чай этот издает воистину чарующий аромат.

Она умеет управляться с маслами, смешивая их.

Духи?

Мыло?

Духи здесь не принято продавать. Каждая особа благород-

ной крови сама составляет собственный аромат, но... на одних благородных особах мир не заканчивается. И надо бы рискнуть, только...

Масла стоят денег.

Жир нужен и чистая древесная зола... И надеюсь, все выйдет, а если нет, то... я не могу позволить себе рисковать их деньгами.

Да и вопросы возникнут.

Или...

Юкико...

Рисунки кистью на шелке. У нее оказался целый сундук обрезков, а Кэед заметила, что лучше бы она из дома прихватила пару-тройку кимоно.

Шину...

Ее знания нужны.

А еще нужен кто-то, в чьей тени мы могли бы представить собственные товары. И кажется, я знаю, кто это будет...

– Шину... – Я отступила от ширмы, и картина неуловимо изменилась. Теперь море мне казалось не замершим в страхе, скорее предвкушающим миг, когда огонь воплощенный осмелеет настолько, чтобы спуститься. Одно прикосновение крыла к серой глади, и могучий зверь рухнет в пучину. – Скажи, будь добра... тьерингам ведь есть чем торговать?

Она пожала плечами.

– Есть, – ответила Араши. – Они привозили отцу зубы морского зверя. Меня тьеринг резать научил. Его Ральё зва-

ли. Он был сыном кёнига и подарил мне бусину. Только потом умер... и его отец перестал приходить в наш дом.

Ее лицо вдруг скривилось, будто она вот-вот расплачется, и потому Шину ниже склонилась над котлом, а Юкико вздохнула, как показалось, с немалым сочувствием. Поэтому слова мои прозвучали в вязкой тишине:

– И я буду права, сказав, что здесь им редко дают честную цену...

– Ага. – Араши сделала глубокий вдох и, подхватив кусочек имбиря, сунула его в рот, скривилась, но не выплюнула. – Потому отцу и носили... мастера никто не обманет, а они... они делать умеют, а продавать нет.

Чудесно.

Что ж, нам определенно будет о чем переговорить с нашими гостями, когда те отвлекутся от забора.

Осень окрасила наш заброшенный сад багрянцем. Слегка мазнула золотой кистью по листве и отступила, позволив людям любоваться делом рук своих.

Неторопливо текла вода, тревожила редкие лодочки листьев. Блестели камни на глубине, и тонкие зеленые нити водорослей протянулись по дну. Ни дать ни взять – пряжа...

Низкий столик.

И деревянные сандалии становятся в ряд.

Кээд занимает место по правую руку мою. Она приходит рано, пока нет никого, кто бы увидел, до чего неловки и неле-

пы ее крошечные шаги. Она научилась держать лицо и улыбаться, скрывая боль. Стоять, шатаясь, словно ивовый прут на ветру...

Она надела темно-лиловое кимоно, и надо сказать, что цвет его подчеркивает белизну кожи.

Араши в зеленом.

Она любопытна, но изо всех сил скрывает это любопытство. И пританцовывает, мечется с террасы в дом и обратно, якобы за тем, чтобы проверить, все ли готово.

Все.

Юкико, решившись ненадолго покинуть свое заточение, расстилает бамбуковые коврики, расписанные охрой. Рисунок простой, но не примитивный. И на каждом – собственный.

Она выставляет плоские деревянные тарелки.

И легким прикосновением руки поправляет мой несколько растрепавшийся букет.

А Иоко владела искусством сочетания цветов.

Я знаю, что скоро Юкико исчезнет. Она не уйдет далеко, спрячется за тонкой перегородкой и будет прислушиваться к разговору, отчаянно боясь пропустить каждое слово. И быть может, станет шептать ответы или качать головой на резкости Араши. А та будет резка и воинственна, пытаясь доказать свое право носить мужской наряд...

Шину и Мацухито уже поставили жаровню, в которую насыпали до краев красных крупных углей. И поставили ско-

вороду с толстыми стенками. Снаружи ее покрывает толстая шуба окалины, но внутри сковорода сияет. Шину строго следит за оставшейся нашей посудой.

Пахнет рисом. И еще мясом. Чем-то одновременно острым и сладким...

Юкико приносит миску с водой и стопку полотенец... и да, исчезает, едва заслышав шаги чужаков.

– Надеюсь, вы не откажетесь разделить с нами обед. – Я встречаю их поклоном, как подобает хозяйке, и тело движется само. Оно, тело, лучше знает местные обряды. Пускай.

– Это большая честь для нас, госпожа. – Хельги тоже кланяется, и мальчишка следом за ним. Видно, что ему непривычны поклоны, и разгибается он быстро. И, стол окинув взглядом, морщится. Усаживается.

И оказывается рядом с Кээд, которая подает ему чашу с водой. Розовые лепестки и капля цветочной эссенции? Я чую запах, и тьеринг, кажется, тоже...

Уши его вспыхивают.

Он засовывает в воду обе руки, пытаясь мыть их привычным способом, но вместо этого лишь выплескивает воду на Кээд.

– Из-свинить! – Его уши горят огнем.

А Кээд молча подает полотенце. Ей не нужно слов, чтобы выразить неодобрение. И похоже, мальчик перестал быть завидной партией...

Хельги более осторожен.

И на Шину смотрит пристально, а она, то ли преодолев скромность, то ли и вправду подумав над словами Кэед, отвечает взглядом на взгляд.

Обед молчалив. И церемониален настолько, чтобы скрыть общую неловкость. Тьеринги орудуют палочками, старший легко, а Норгрим с трудом...

– Не так их держишь. – Араши первой не выдержала тишины. – Вот, смотри, как надо...

Она поворачивает руку, а потом и вовсе подвигается ближе, пожалуй, слишком уж близко, чтобы это можно было счесть приличным.

– Держи... и осторожно. Тут привычка нужна.

– С-спасибо...

– А я по-вашему говорить умею. – И она произносит пару слов, от которых Норгрим краснеет особенно густо. Что ж, полагаю, это было не пожелание приятного аппетита.

Хельги хмыкает.

А Шину укоризненно качает головой. Поняла? Догадалась? Впрочем, если торговцы давно вели дела с тьерингами, то худо-бедно их наречие Шину изучила бы.

– Эт-то... н-не хороший слова. – Наконец к Норгриму возвращается дар речи. – Их не говорить. Женщин. Мужчин... тоже не говорить. Лучше.

– Да? А меня уверили... не важно. – Араши задумалась, впрочем, надолго ее не хватило. – А ты в море выходил? Далеко? Ходил уже на зверя? У тебя есть кость? Я умею резать

по кости, меня учили. Я хорошо училась, только здесь негде взять, а камень – уже не то...

– Потихе, – поморщилась Кээд. – У меня и то голова заболела...

– Она у тебя всегда болит. Это от избытка гордости...

– Что есть...

– Не обращай внимания, это я так... так кость имеется? Мне немного надо...

– Кость?

Тьеринги перебросились парой слов. И Норгрим кивнул, повторив:

– Есть. Много. Ходить зверя и...

Хельги выглядел довольным, а я раздумывала, как бы свернуть нашу беседу на вещи, куда более важные... и в принципе не обяжет ли нас эта сделка? Я поморщилась: все-таки жизненно необходимо как можно скорее разобраться в местном законодательстве и правилах. Память Йоко хранила кое-какие обрывки из кодекса, но этого было недостаточно.

– Скоро осенняя ярмарка. – Я, как и полагается хозяйке, разлила отвар из листьев лимонника и сушеных ягод клюквы по чашкам. Первую подала гостю... и вторую. – Я знаю, что у вас есть товар, который вы хотели бы продать по... достойной цене. И знаю, что цену эту вряд ли предложат.

Хельги чашу поставил в сложенные лодочкой руки. Он глядел на пар и еще немного на Шину, которая застыла, как и положено воспитанной женщине.

Какое счастье, что я давно уже не воспитанная женщина...

Вдовам многое позволено, особенно когда они сами себе позволяют.

– И вместе с тем моему дому есть что показать на ярмарке, но... – Я пригубила сладковатый отвар.

Кажется, здесь и мята была, и еще ромашка, но самую малость, а потому вкус ее не казался назойливым.

– ...боюсь, найдутся люди, которые пожелают взять товар, ничего не дав взамен, ведь женщина, за которой не стоит мужчина, слаба...

Вдох.

И выдох.

Пар касается лица. Определенно с местной косметикой стоит поработать, скажем, смешав вытяжки из трав с пчелиным воском и топленным жиром.

Твердые масла, опять же, поискать...

Была у меня сотрудница, которая отчаянно увлекалась натуральной косметикой. И не то чтобы мы приятельствовали, дружбы с подчиненными я избегала, понимая, сколько проблем она влечет, но... двери тонкие, а женские разговоры – женские и есть. Кто бы мог подумать, что это случайное, по сути, знание когда-нибудь да пригодится?

– Но если мы заключим союз... – я отставила чашку и сложила руки на коленях, – никто не рискнет воевать с тьерингами, а обмануть вас мы не позволим.

Прозвучало несколько... патетически? Вызывающе?

Женщины так не разговаривают. Не здесь. И даже Хельги, кажется, несколько озадачен. Он не спешит с ответом. Гладит хвост, и медное кольцо на мизинце поблескивает темным глазом.

– Ты... хорошо сказала, госпожа Йоко... вечно нас пытаются... – Он произнес слово на своем языке, но смысл примерный я поняла. – Но я не могу говорить за всех.

– А кто может?

– Хевдир.

Что ж... попытка была хорошей, но сомневаюсь, чтобы их хевдиру действительно было интересно наше предложение.

– И я передам ему твои слова. Однако я скажу за себя... я вольный тьеринг и со своей долей могу делать все, что заблагорассудится. А потому завтра я принесу, что имею. Пусть госпожа глянет...

– Я. – Норгрим ущипнул себя за ухо. – Есть зуб змей. И кость. И другое. Лисица. Рыжий и черный. Я принести. Я хотеть дать за деньга...

Это было лучше, чем ничего.

Два тьеринга за спиной? Отлично... И пожалуй, у нас появился шанс. Переглянувшись с Шину, я увидела улыбку в ее глазах.

А Кэед вздохнула:

– В таком случае нам следует поторопиться, если мы и вправду хотим что-то продать.

Именно.

До ярмарки оставалось четырнадцать дней. Много. И вместе с тем – ничтожно мало...

Глава 10

На следующий день произошло еще одно событие, которое заставило всерьез задуматься о том, что же, собственно говоря, ждет нас.

Началось все с гонца.

Взмыленный паренек с обритой налысо головой, одетый в лиловый и желтый цвета, кулаком постучал в ворота дома. А после на всю улицу проорал:

– Послание для госпожи Иоко!

Голос его спугнул голубей, на которых охотилась пятнистая соседская кошка. Кошка, огромная, слишком крупная для домашней – может, недаром Мацухито подозревала ее в неладном, – рассерженно зашипела, будто плюнула на ворота. Но мальчишку это не испугало: он запустил в кошку камнем – естественно, не попал – и закричал еще громче:

– Госпожа Иоко!

Они были знакомы.

Смутно.

Каждый месяц он приходил и кричал, беспокоя не только кошку, но и соседей, и без того не слишком-то довольных нашим присутствием. Он кидал камни и однажды помочился на ворота, выказывая всю степень уважения к моей персоне...

Он был нагл и по-подростковому самоуверен. Но это не

мешало ему приносить кошелек в целостности и сохранности. Впрочем, Иоко, даже зная, что ни один из слуг Наместника не рискнет обманывать его столь нагло, медленно пересчитывала деньги, порой проверяя их на зуб.

И паренек стоял. Ждал. Пританцовывал от нетерпения. в его сумке была не одна дюжина таких вот зачарованных на крови кошельков, открыть которые могли лишь те, кому деньги были предназначены.

Я высыпала монеты на тарелку и молча протянула кошель мальчишке.

– Есть хочешь? – спросила, глядя на горсть серебра, которую мне предстояло использовать наилучшим способом. Знать бы еще каким.

– Есть? – Он нахмурился.

– Лепешки. И вяленое мясо. Будешь?

Гордость в нем боролась с голодом. У Наместника, полагаю, хорошо кормили, но мальчишка пребывал в том возрасте, когда съеденное переваривалось быстро.

– Постой здесь. – Я развернулась и направилась к дому.

– Госпожа! А... а деньги?

– Ты же присмотришь за ними?

Я надеюсь, ибо не хотелось бы заниматься поиском монет в чужих карманах. Впрочем, памятью Иоко обладала отменной, а монет было не так много, чтобы исчезновение нескольких осталось незамеченным.

Я вернулась с хлебом и мясом, которые протянула гонцу:

– На. И не трогай больше кошку, а то вдруг и вправду бакэнеко?

Деньги мальчишка не тронул.

И настроение поднялось. Я передала чашу с серебром Шину, которая глянула на меня как-то... странно?

– Вы уверены, госпожа?

Я пожалала плечами.

– Ваша матушка... посетит нас сегодня. – Шину тронула монетки пальцем и протянула чашу мне. – И возможно, будет недовольна...

И вновь я чего-то не знаю.

Не помню... и хорошо, что колдунов и одержимых здесь не сжигают. Это я уже успела выяснить.

– Возьми. Нам они нужнее.

Если я правильно помню, то матушка Йоко отнюдь не бедствует. У нее огромный дом, слуги и отцовские драгоценности, которых он делал очень много, не говоря уже о таком наследстве, как ковры, шелка и банальнейшие двадцать три тысячи золотых монет.

Монеты Йоко помнит.

Она помогала пересчитывать их, укладывая ровными рядами в специальные шкатулки. В одну помещалось ровно две тысячи монет. И седовласый поверенный пробегался пальцами по ребрам, то ли пересчитывая за Йоко, то ли просто наслаждаясь этим прикосновением. Он, облаченный в стеганный халат старого кроя, казался обыкновенным, этот старик,

на чьем поясе висело семь печатей, а шапку украшал нефритовый шар.

И матушка старалась быть с ним любезной.

А он на нее не смотрел. И на меня не смотрел. На золото только. И мутноватые глаза его оживали.

«Драконий выблядок», – сплюнула мать, когда старик переступил порог. И Иоко показалось, что она услышала такой ехидный смех...

Нет, матушке денег хватило бы до конца ее дней.

Но почему лишь матушке?

Плохо не знать законов. Очень плохо. Я пыталась вспомнить те свитки, которые Иоко читала. В них ведь должно было быть хоть что-то по правам наследования? Ведь вопрос весьма и весьма актуальный...

Я не успела.

Ее принесли в паланкине.

И высокий слуга с трещоткой шагал впереди, распугивая уличных мальчишек и голубей. Впрочем, на нашей улочке ни тех ни других не водилось, а потому голос его:

– Дорогу госпоже! – лишь беспокоил соседей.

Паланкин внесли во двор и бережно поставили на террасу. Скользнул в сторону шелковый полог, расшитый вишней... кажется, новый, во всяком случае, Иоко такого не помнила. Ступила на доски махонькая ножка в зеленом башмачке. И слуга поспешил подать руку, не позабыв набросить на нее черный кусок материи.

Матушка Иоко некогда была красива.

Она в совершенстве владела искусством рисования лица и теперь, спустя годы, лишь преуспела в нем. И наверное, по местным меркам, это было красиво. Я же видела перед собой не лицо, но маску. Белоснежную. Ровную.

Ни одна морщинка не смела портить этой лакированной глади. Высокая прическа – подозреваю, искусственного происхождения – радовала глаз обилием украшений.

И Иоко стало... неудобно?

Цубуши-шимадо пристало носить юным девушкам, но отнюдь не дамам, разменявшим сорок весен, чересчур уж игриво и...

Три гребня-куши, шнуры из золотых нитей и полупрозрачные низки бисера, которые поблескивали и переливались при каждом движении головы. Заколки-канзаси из шелковых лент. Всего этого слишком уж много. В этом великолепии лицо ее кажется маленьким. А красный рот и вовсе точка. Глаза где-то теряются. А вот брови – две нарисованные точки у самой линии волос. Идеальные по форме, но... смешные? Именно. Я поняла, что та часть меня, которая все еще была далека от этого мира, готова расхохотаться, а это было бы невежливо. И потому я позволила Иоко сгорбиться, глядя на собственные ботинки. Или вот на кимоно смотреть можно. Красивое. Темно-зеленое и украшенное расшитыми гербами.

– Ты стала выглядеть еще хуже, чем раньше, – сказала ма-

тушка, окончательно убив во мне надежду на то, что встреча пройдет мирно.

– И я тоже рада тебя видеть, матушка...

А ведь я уже месяц здесь.

И болела тяжело, о чем наверняка сообщили, только матушка не соизволила навестить меня ни во время болезни, ни после выздоровления.

Дом этот, который рассыпался на глазах.

И пустые кладовые.

Исчезнувшие деньги... что ж, у меня набралось много вопросов.

– И манеры по-прежнему оставляют желать лучшего... я устала, – капризно произнесла она, раскрывая темный веер, расписанный той же вишней. – Пусть твои девки подадут чай...

– Они не девки.

– А кто? Такие же неудачницы, как ты сама. Боги, я должна была родить мальчика. Я верила, что рожу сына, и все говорили, что будет именно так, но, наверное, духи-уно подменили младенца в утробе. Мне действительно не следовало смотреться в то зеркало... старуха предупреждала...

Матушка чувствовала себя... как дома?

Нет, пожалуй, я в этом доме не позволяю себе подобного поведения.

– Еще не разродилась? – поинтересовалась она, ткнув пальцем в живот Юкико. – Тебе не следовало принимать ее,

все-таки какая-никакая репутация оставалась... а эта до сих пор ведет себя непотребным образом?

– Зачем ты пришла?

Я встала перед матушкой, не позволив ей войти в покои Кэед. Та бы вряд ли стала молчать, а ссора... я еще не поняла, во что обошлась бы нам эта ссора.

Правда, с каждым словом я все яснее понимала: конфликта не избежать.

– Ты их разбаловала. – Матушка пропустила мои слова мимо. – И сама... сын всенепременно позаботился бы о бедной матери... но ты... мое величайшее разочарование... не особо красива, не слишком умна...

– Но выкуп ты за меня взяла неплохой.

Я наступила на горло ярости.

Не сейчас.

Матушка лишь отмахнулась:

– Ты могла бы получить много больше, если бы хватило ума повлиять на мужа...

На того уверенного в своей правоте ублюдка? Дышать надо. Глубоко и спокойно, вспоминая темную гладь ручья.

– ...но ты оказалась слишком слаба, беспомощна и к тому же пуста... позор на мою голову! – Она коснулась прически тонким пальцем, который сперва показался мне неправдоподобно длинным, но память Йоко подсказала, что дело не в пальце, а в накладках для ногтей. Длинные. Тонкие. Изящные. Расписанные то ли цветами, то ли змеями... как

и шпильки в ее волосах.

– ...тебе следовало бы отправиться за мужем, чтобы спасти имя семьи, но...

Покрытые черным лаком зубы. И рот, в который я смотрю неотрывно. Этот рот кажется мне воротами в бездну. Вот сейчас она раззявится и проглотит меня целиком, а потом и остальных, и дом, и даже город...

Я моргнула, избавляясь от наваждения.

– Я просто последовала твоему примеру, мама, – сказала я, и слова эти, к огромному моему удивлению, дались просто.

Более того, я ощутила огромное облегчение.

Не мое.

Иоко?

Или то, что осталось от нее? Что бы ни было, но оно помнило удушающую заботу этой женщины, которая притворялась любящей матерью, а на деле...

Может, и вправду подменили ее зеркальные духи? Это ведь случается с особо самовлюбленными красавицами, а Иоко не заметила.

Матушка замолчала.

И молчала как-то нехорошо... лязгнули ногти, и показалось, что с огромным удовольствием полоснули бы они по моей щеке.

Или горлу?

Я прикрыла шею ладонью.

– Не сравнивай нас! У меня на руках осталась маленькая дочь и хозяйство...

...и двадцать три тысячи золотых монет, которые ныне спокойно обретаются в хранилище. А еще пара лошадей, повозка и два десятка слуг. И это не считая всяких мелочей вроде серебряной посуды или коллекции нефритовых фигурок, которые отец вырезал удовольствия ради, но...

– Впрочем, чего еще ждать от столь неблагодарной особы? – Матушка сложила руки, и рукава кимоно сомкнулись, скрывая и ладони, и металлические когти. – Надеюсь, когда-нибудь боги пошлют тебе просветление...

Уже послали, иначе, нежели божественным вмешательством, я свое появление в этом доме объяснить не способна.

– ...а мне покой...

– Тоже очень на это надеюсь...

...и не слишком огорчусь, если покой этот будет вечным. Матушка молчала.

И я не спешила продолжать беседу, как не предлагала пройти на террасу. Чаепитие? С нее станется яду в чай плеснуть... а может... надо бы выяснить, не появлялась ли матушка накануне моей болезни. И если так, то...

Подозрения.

И с тем колдуном, силами которого я поправилась, встретиться стоило бы, вот только подозреваю, что без денег он со мной говорить не захочет. А с другой стороны, попытка – не пытка.

– Я жду. – Матушка первой потеряла терпение.

– Чего?

– Денег.

– Каких? – Что ж, кое-что стало проясняться.

– Болезнь лишила тебя остатков разума? – Матушка позволила проскользнуть насмешливым нотам.

– Памяти.

– Что?

– К сожалению, я очень плохо помню то, что происходило со мной в последнее время. – Я все же направилась к террасе. В доме слишком много... не то чтобы любопытных, но эти женщины не слишком обрадуются, узнав о моей амнезии. – А потому действительно не понимаю, дорогая матушка... – получилось слишком уж насмешливо, – о каких деньгах ты говоришь.

– О тех, которые ты обязалась платить мне.

– За что?

– За дом.

Вот как... за дом, стало быть... и не только за дом. И неужели Иоко была настолько наивна, что действительно давала ей деньги?

Давала.

И не только свои... но все равно не понимаю. Матушка отнюдь не бедствует. И даже если она каждый день будет приобретать новое кимоно, что слишком расточительно – по натуре она довольно скупа, – ей хватит золота на многие годы,

а она...

Или не в золоте дело? Не в тех крохах серебра, но в ее желании контролировать несчастную дочь?

В чем-то большем?

Кому-то настолько мешает не сама Иоко, но ее затея?

Кто-то из девочек?

Сложно. Но я разберусь. И с головной болью тоже.

– ...и мне, безусловно, жаль говорить такое, но вряд ли ты найдешь дом в месте столь приличном и удобном дешево... – Матушка говорила, разглядывая то ли сад, то ли собственные ногти. – А цены ныне выросли и...

– Денег не будет.

– Что?

– Не будет. – Я потеряла виски, отрешаясь от тягучей этой ноющей боли. – Ни сейчас. Ни завтра. Ни вообще. Мы ведь договорились, что я оставляю себе этот дом и...

– Обстоятельства изменились. Я...

Я приложила палец к губам, призывая к молчанию. И видно, подобное поведение было настолько нехарактерно для Иоко, что матушка ее и вправду замолчала.

– Скажи, матушка, что ответит мне почтеннейший Гихар, прозванный Справедливым, если обращусь я к нему с просьбой показать мне тот свиток, в котором мой почтенный отец изъявил свою волю...

– Неблагодарная!

Этот визг разбудил кошку и спугнул воробьев, слетевших-

ся к пруду.

А я перехватила руку.

Когтистую такую руку, тонкую, но на удивление сильную... а ведь ей еще нет пятидесяти. Она рано вышла замуж. И рано овдовела. И привыкла быть хозяйкой не только в доме своем, но и в жизни...

– Пусти! – прошипела матушка.

– А еще я могу спросить его, как же вышло так, что мой отец, да пребудет душа его в седьмых чертогах, не позаботился о дочери, которую так любил, и нет ли в том злого умысла... а если есть, быть может, стоит мне обратиться к Наместнику и его колдунам, дабы установить правду?

– Ты не посмеешь!

– На то, чтобы заплатить взывающим, моих скромных сбережений хватит... а там... ты же знаешь, что воля души, согласно уложению от Аккая Свирепого, обязана быть исполнена.

– Дрянь!

– Поэтому подумай, матушка... – я отпустила ее руку, – стоит ли тебе появляться здесь...

Мне показалось, она все же не сдержится. Нападет.

Но матушка слишком хорошо владела собой.

– Ты и вправду все забыла, – сказала она. – Как и то, что тебе было отказано в нелепой этой просьбе... и сию Наместника отказался тратить силу на подобные глупости.

Она удалилась, не произнеся более ни слова. Но каждый

жест ее, отточенный, выверенный, как и все в этой пьесе, выражал негодование и еще, пожалуй, печаль.

Да, был бы сын, он бы...

А собственно, почему так получилось? Один ребенок в семье – это, мягко говоря, необычно. Здесь уж или боги карают пару, не оставляя ей шанса, или женщина рождает, пока...

Матушка мне не показалась излишне чадолюбивой.

Вряд ли это важно.

Я вздохнула. А вот то, что в пресветлую голову Иоко забрела мысль вызвать дух покойного батюшки, это уже прелюбопытно. И не просто забрела, но сподвигла на кое-какие действия... другой вопрос, что ей было отказано.

К слову, почему?

Сколь помню, в свитках не было ограничений, и, по сути, любой житель Островов мог обратиться к Наместнику с просьбой... и даже не к Наместнику, но к одному из Высоких судей, если, конечно, хватило бы денег, чтобы покрыть судейский сбор и заплатить исиго-взывателю, а еще свидетелям и душеприказчику, которому вменялось оформить волю духа надлежащим образом.

Дорого?

Пожалуй... да, весьма, а потому не так уж часто подобные просьбы озвучивались. И если Иоко... нет, не помню.

Темнота.

– Госпожа? – От попытки поймать в этой темноте черную

кошку меня отвлекла Шину. – Быть может, госпожа желает отвара? Мацухито составила новый букет из трав...

А то, не сбор, но букет из трав.

И подавать его надлежит не в термосе, а в крохотном чайнике, который стоит на другом чайнике, побольше, а тот уже на махонькой переносной горелке. Все привычно, церемониально, и теперь, пожалуй, я в этих церемониях вижу спасение. Действия, знакомые телу, отвлекают и успокаивают. Я жестом приглашаю Шину присесть и снимаю заварочный чайник. Отвар пахнет мятой и ромашкой, но слабо, едва уловимо.

– Скажи, – я позволяю травам настояться, – перед тем, как я... заболела, моя матушка навещала нас?

– Да. – Шину сидела, сложив руки на коленях.

– И мы поссорились?

Полупрозрачные ломтики не то желе, не то сушеных водорослей. Местные сладости казались мне донельзя пресными и еще имели отвратительную особенность застревать в зубах. А вот Иoko была большой любительницей этого вот... недопереваренного желатина.

– Нет. – Шину ответила не сразу. Она вообще предпочитала тщательно обдумывать каждое слово. – Вы громко беседовали. Вернее, не вы, но ваша матушка... не то чтобы у меня была привычка подслушивать... вы просили не уходить далеко.

Да? Почему? И почему я этого совершенно не помню?

Июко определенно опасалась матушки, но были ли эти опасения естественной робостью перед личностью доминирующего типа или же чем-то куда большим?

– Расскажи, – попросила я.

– Она пришла за деньгами...

– И я их отдала?

– Почти все, госпожа. – Шину склонила голову. – В первый месяц, когда я была здесь... вы сказали, что иначе ваша матушка лишит нас крова.

Шантаж.

И Ююко поверила... потому что знала больше моего?

– А она может? – уточнила я. – И прекрати называть меня госпожой...

– Не знаю.

И вновь молчание.

Отвар хорош. Успокаивающий, если не ошибаюсь, и мне он необходим. Нам обеим, поскольку разум остывает от гнева, а тело перестает дрожать.

– Как правило, когда уходит мужчина, то имущество его все переходит к ближайшему родственнику мужского пола...

– А если таковых нет?

– Обычно находятся. – Шину усмехнулась.

Понятно.

На двадцать три тысячи золотом определенно отыскались бы желающие, пусть и не ближнего круга, но какой-нибудь пятиюродный племянник...

– Но покойный способен сам назначить исполнителя своей воли. – Шину провела пальцами по шелковому рукаву. – И нигде не сказано, что этим исполнителем не может быть женщина.

Логично. Более чем... то есть он мог бы оставить все матушке... но только ли матушке?

– А где хранят такие бумаги?

Шину задумалась, но покачала головой:

– У Наместника, и... и, госпожа, разумно ли будет искать правды? Быть может, нам...

– Переехать?

Мысль была здоровой. Найти дом поменьше, пусть и не в столь тихом месте, но... дешевле. А главное, с хозяевами, которые на станут каждый месяц требовать все большую плату. Здесь подобные выверты не приняты. Но почему-то сама мысль о переезде казалась предательством.

Я не хочу бросать свой старый дом.

И память.

Пусть не мою, но... Июко была счастлива в этом месте, а я постараюсь сделать так, чтобы и остальные... не счастье, это не в моих силах, но хотя бы дом и какое-никакое будущее.

– Нет. – Я покачала головой. – Значит, мы с матушкой громко разговаривали... о деньгах? И о том, что я желаю обратиться к исиго...

– Вы обратились, – уточнила Шину. – И вам отказали... вы очень разозлились тогда... я никогда прежде не видела

вас такой...

Что ж, у любого человека есть свой предел.

– Вы обвинили матушку в том, что она... заплатила чиновнику. И пригрозили пойти к судье... правда, у вас не было денег...

– Матушка забрала?

– Чиновник, который пообещал вам помочь.

Час от часу не легче.

– И как это случилось?

– Он потребовал от вас внести залог... вы оставили деньги...

Дальше можно не продолжать, эти деньги исчезли, а чиновник, надув щеки, сказал, что понятия не имеет, о чем идет речь, что денег он никаких не брал и женщина лжет. Женщины всегда ведь лгут, натура такая...

– Матушка знала об этом?

– Не сомневаюсь. Она сказала, что... – Шину замолчала, подбирая слова, – что вы не настолько умны, чтобы... жить своей жизнью. И что, несмотря на ваши усилия, скоро мы все окажемся на улице.

Чудесно.

– И что тот чиновник – один из многих, кто жаждет обмануть женщину столь недалекую...

Я закрыла глаза.

Нет, определенно матушка меня в покое не оставит... и это ее упорство мне непонятно. Допустим, она выгодно про-

дала Иоко замуж. Это еще можно объяснить, как и ее нежелание заступаться за дочь.

Бывает.

Принять блудную дочь домой? Это повредит репутации. Или дело не в репутации, но... она сослала меня в этот дом, подальше с глаз, надеясь, что здесь я, точнее, Иоко, не выдержав одиночества, придет к чудесной мысли о необходимости отправиться в монастырь, а она...

Но чем ей мешает дом?

Именно тогда, как поняла, появились разговоры про аренду.

Угрозы.

И тот чиновник... откуда она узнала? Вряд ли человек этот, будь он хоть в малом уме, стал бы распространяться о сыгранной с Иоко шутке. Здесь мздоимцев терпят, а вот обманщиков, как я поняла, не любят, тем паче если они на службе Наместника состоят и говорят его словом... да, он молчал бы, ибо одно дело слово против слова, и совсем другое...

А если Иоко проговорила матушке о своем намерении?

Или не она, но...

Так, соглядатай в доме? Или за домом? Кто-то, кому поручено присматривать за домом и его хозяйкой. Посещение местной канцелярии не осталось бы незамеченным... а там отыскать чиновника, предложить ему что-то куда более ценное, нежели...

Смысл?

Есть он, я шкурой чую, не той нежной, что досталась бедной Иоко, но собственной, не единожды пострадавшей от подковерных игрищ. И дело вовсе не в родовой чести...

Что ж, в ближайшее время мне все же придется побеспокоить одного почтенного старца.

– Вы изволили разговаривать очень громко... вы умоляли матушку оставить нас в покое...

– А она?

– Она, – Шину низко склонила голову, – сказала, что отстанет, лишь когда спасет вашу душу от вечных мук...

Чудесно.

Монастырь и иные варианты не рассматриваются...

Я постучала пальцем по столу.

– Что-то еще?

– Вечером вам стало дурно, – сказала Шину. – Сперва вы решили, что это от переживаний, но после... я заварила вам водный корень, а Мацухито собрала другие травы. Вы сами сунули пальцы в рот, чтобы вызвать извержение нутра...

Поэты они здесь. И если я так поступила, то неужели подозревала неладное? Только поздно. Пары часов хватит, чтобы яд впитался... но... не слишком ли радикально? Одно дело мошенничество, и совсем другое – убийство.

Или...

– Спасибо, Шину. – Я поклонилась. – Ты очень помогла... и впредь, как ты думаешь, буду ли я права, отказав ей в праве

заходить сюда?

– Этот дом принадлежит ей...

В том и проблема...

Несомненно.

Глава 11

Этот посетитель явился следующим днем, когда небо соизволило потемнеть. Местные вечера были скоротечны, как девичий век. Я отдыхала в саду. Пусть разум и тело восстановились после болезни, но все равно уставала я как-то слишком уж быстро.

Да и забот меньше не становилось...

Шелковые нити подходили к концу.

И рис.

И еще надо было купить хорошего жира, лучше у тьерингов, если есть у них жир морского зверя...

Соль.

Ароматные масла, без которых мыла не сварить.

Запасы кухонные.

И письмо почтеннейшему хранителю, который, помнилось мне, был другом отца, и в этом теперь виделся свой особый смысл. Захочет ли он принять меня?

Не узнаю, если не спрошу.

Нерешительность Йоко, неуверенность ее в себе и во всем мире никуда не ушли, и мне стоило немалых сил преодолеть их. Моя рука дрожала, и кисть никак не желала касаться шелка...

Нужные слова, нужные знаки, которых я сама не напишу, ибо рисование и в юные детские годы давалось мне не слишком

ком хорошо. А значит, я должна воспользоваться умением Июко, но притом переступить через ее сомнения...

Нехорошо тревожить занятого человека.

Нехорошо. Но иногда приходится.

Знак шэнь – обращение... и уродливейшая клякса, которой не место на листе. И злость. И тут же страх... она так привыкла бояться, эта девочка, что не верила себе самой.

Я со вздохом отложила ненаписанное письмо.

Седьмой испорченный лист.

Попрошу Кэед.

Вопросов задавать она не станет.

И, сложив кисти в шкатулку, я вышла в сад. Сад нас обеих успокаивал. Здесь уже ощущалась прохлада, и память подсказывала, что морозы приходили здесь рано, наводя свой особый порядок, что в доме, что в городе.

Я подняла тронутый багрянцем кленовый лист.

И еще один.

В доме найдется глиняная чаша для осеннего букета... а если и нет, то... в той, другой жизни мне вечно не хватало времени, чтобы остановиться.

Зимы пролетали, оставляя после себя сожаление об испорченных солью сапогах, и еще ощущение слякоти и общей неустроенности. Сгорали весны, и лето умещалось в один миг, между удушающей жарой и осенними вдруг дождями, а те тянулись и тянулись, раздражая сумраком.

Здесь дожди тоже будут.

И сумрак.

И солнце надолго спрячется за серую стену облаков. И говорят, что осенью оживают разные духи. Лисы-кицунэ плетут себе наряды, выплавляя золото из листвы. Они собирают ее в огромные медные котлы, под которыми раскладывают костры из шишек и человеческих костей, и тот, кто вдохнет дыма этих костров, сам получит толику силы. Мудрости. И злобы.

Поэтому ставни осенью запирали.

А еще люди складывали собственные костры, из старых вещей, ибо недосмотришь – и из древних шлепанцев появятся бакэ-дзори¹⁷, а фляга для сакэ породит коварного шептуна-камэоса¹⁸...

Засвистит ветер, разрезанный серпом ветророжденной ласки.

Поползут к берегам рек водяные-каппа...

– Красиво, – сказал кто-то, и я вздрогнула, обернулась, выпустив ворох листвы. А ветер подхватил ее, закружил, будто пытаюсь наспех вылепить то ли чудовище, то ли просто существо иного толка, каковые порой являлись людям.

¹⁷ В это существо превращается традиционная японская соломенная сандалия дзори по достижении столетнего возраста (обычно кем-то забытая в кладовке), если хозяева плохо заботятся о своей обуви. Бакэ-дзори бродит ночами по дому и напевает слова: «Карарин, корорин, канкорорин! Глаза три, глаза три, зуба два!»

¹⁸ Фляга от сакэ, которая разменяла сотню лет, тоже оживает, приобретая при этом скверный характер, но и способность бесконечно воспроизводить напиток, который в нее наливают.

Главное, что на мгновение у него получилось, но...

Кошка?

Или паук-пряделщик, способный изменить судьбу?

Сгорбленная старуха, что является без приглашения и, поселившись в доме, забирает все светлое, что было в нем?

Мужчина стоял на террасе.

Невысокий.

И пожалуй, даже хрупкий какой-то. Тьеринг? Пожалуй, но... в его чертах было что-то и местное. Правда, среди местных не попадались мне люди светлые, а этот был блондином. Пепельным. И волосы отрастив, не стал сбривать их со лба и боков. Он заплел косу, украсив ее тремя белыми лентами, и это что-то да значило, но вот что – Иоко не знала. Она, было показавшаяся миру, спряталась, оставив мне и чужака, и мифических лисиц, и соседскую кошку, которая, перебравшись через забор, устроилась на террасе. Та, словно подглядев мысли, приоткрыла желтый глаз и усмехнулась.

– Не боишься, женщина? – голос у мужчины был низким, хрипловатым.

Простуда?

Или сам по себе?

– Вас?

– Ее, – он указал на кошку, чей хвост раздраженно дернулся. – Говорят, они вырастают огромными, способными сожрать человека...

Теперь она открыла оба глаза и, перевалившись на спину,

подхватила плотный лист.

– Хвост у нее пока один, – возразила я.

Взмах лапы, и когти попросту разрубаят лист на аккуратные полосы... а ведь и вправду для кошки это немного... чересчур? Но она лежит и смотрит, выжидая так.

Прогоню? Схвачусь за метлу? Или сразу за колдуном отправлю?

– Вреда от нее нет. – Я опустилась рядом с кошкой и осторожно коснулась мягкой шкурки. – А польза несомненна... мыши не досаждают.

Как ни странно, гость мой не стал возражать. То ли привык к существам необычным, то ли не считал возможным воевать в чужом доме. Кошку, впрочем, он обошел стороной и, приблизившись ко мне, сказал:

– Я представлял тебя иначе.

– Я не представляла вас вовсе. – Кошка заурчала и потерлась о пальцы.

Оборотень или нет, но ласку она любила.

– Урлак. Хевдир здесь.

Надо же... а не похож... то есть не то чтобы я имела представление о том, как должен выглядеть хевдир, но... Наместник, опираясь на память Йоко, редко появлялся на людях. А если и случалось ему покидать лаковые стены своего дома, то путешествовал он в шелковом палантине, который несли крепкие мужчины. Паланкин окружала охрана с бамбуковыми палками и мечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.